

ИСТОРИЯ СТРАНЫ
ОТ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ

СССР

АВТОБИОГРАФИЯ

СОСТАВИТЕЛЬ
КИРИЛЛ КОРОЛЕВ

СССР. Автобиография

«ЭКСМО»

СССР. Автобиография / «Эксмо»,

Страна, занимавшая одну шестую часть суши... Страна, возникшая как грандиозный социальный эксперимент... Страна, которая преодолела разруху и голод, которая победила в самой страшной войне XX столетия, которая мечтала построить идеальное общество... Страна, которая делала ракеты и перекрывала Енисей, а также была впереди планеты всей «в области балета»... Страна, которой нет вот уже двадцать лет, но о которой по-прежнему помнят... Эта страна – Советский Союз. И со страниц этой книги она говорит о себе.

Содержание

Пролог. Эта страна – была	6
Часть первая	8
Октябрьская революция, 1917 год	8
Первые шаги новой власти и Брестский мир, 1917–1918 годы	14
Россия распятая, 1917–1918 годы	18
«В коммуне остановка»: комсомол и пионерия, 1918–1922 годы	25
Гражданская война: начало, 1918–1919 годы	30
«Красные, зеленые, золотопогонные»: революционный террор, 1918–1922 годы	39
Гражданская война: от Колчака до Врангеля, 1919–1920 годы	47
От военного коммунизма к НЭПу, 1921–1923 годы	59
Образование СССР, 1922 год	65
«Весь мусульманский пролетариат»: национальная политика, 1922–1939 годы	69
Ленин – человек и символ, 1924 год	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

СССР

Автобиография

Составитель Кирилл Королев

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах и любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с издателями.

Пролог. Эта страна – была Кирилл Королев

Подростком я часто задумывался, какой будет жизнь в 2000 году. Эта дата казалась почти мистической – не эсхатологической, вовсе нет, просто рубеж столетий, что-то такое весьма необычное, сулившее новизну и неожиданность. И в те годы ни мне, ни моим сверстникам попросту не могло прийти в голову, что в 2000 году на карте мира уже не будет той страны, в которой мы родились и росли, – Советского Союза.

Мое детство пришлось на «сыто-застойные» семидесятые, на период «махрового социализма», как стало модно выражаться впоследствии; нас окружала хрестоматийная советская действительность эпохи развитого социализма, со всеми ее достоинствами и недостатками, и мы принимали ее как должное. СССР не то чтобы казался вечным – он и был вечен в наших глазах, и иной страны, иной жизни мы себе не представляли.

Взрослея, мы с удовольствием пересказывали друг другу подслушанные у родителей политические анекдоты – зачастую не понимая их смысла, однако по-прежнему воспринимали окружающее как данность, от которой никуда не деться. Мы понемногу, на примерах старших, приучались жить собственной жизнью, параллельной той идеологизированной реальности, которую создавали телевидение, радио и газеты, но и в наших «домашних» мирках не находилось места мыслям о том, что Советский Союз и все то, что олицетворяли собой эти два слова, могут однажды исчезнуть.

Впрочем, к середине восьмидесятых даже тем, кто привычно жил по течению и «уклонялся вместе с линией партии», стало понятно, что в «Датском государстве» очень и очень неладно. Во взрослую жизнь мы вступали под аккорды траурного марша и под «Лебединое озеро» по телевизору; на фоне престарелых предшественников поистине удивительно смотрелся новый генсек, смехотворно молодой по меркам Политбюро: пусть его выступления по большей части содержали всю ту же набившую оскомину риторику, зато он нередко говорил без бумажки – для тех времен это было невероятное событие.

Пока не объявили свободу – что не запрещено, то разрешено, – мы и не ощущали, как нам ее не хватало. Слова «гласность» и «перестройка» повторяли как заклинания, старшие часто вспоминали хрущевскую оттепель и многозначительно качали головами: мол, поглядим, как будет на сей раз... Лично для меня, уже студента, первое воспоминание о перестройке – сугубо экономическое: на центральных улицах Москвы появились лотки, с которых начали продавать гамбургеры и хотдоги, прежде неоднократно клеймившиеся с самых высоких трибун, заодно с кока-колой, как буржуазные, чуждые советскому народу товары.

Между тем страна, незаметно для общества, увлекшегося гласностью и рынком (еще одно модное словечко тех лет), тихо умирала. А мы этого не видели – не потому, что не хотели, а потому, что и предположить не могли, будто такое возможно. Когда начались волнения в национальных республиках, общими чувствами – по крайней мере, в Москве – были растерянность и недоумение, а еще – ощущение предательства: многие искренне верили, что прибалты (равно как грузины, азербайджанцы и далее) выказывают СССР и советскому образу жизни чудовищную неблагодарность. В голове не укладывалось, как они могут так поступать: ведь для нас, поколения шестидесятых-семидесятых, мы всегда были вместе.

Апофеозом гласности стали съезды народных депутатов, напрямую транслировавшиеся телевидением и радио. За ними следили, пренебрегая работой и отдыхом, словно на свете не было ничего важнее, а до коллапса и окончательного распада страны оставалось все меньше...

Итог семидесяти с лишним годам советской власти подвел путч. В полном соответствии с учением Маркса история повторилась как фарс: начало Советскому Союзу положил вооружен-

ный октябрьский переворот 1917 года, ставший настоящей трагедией, а рухнул СССР после опереточного августовского путча 1991 года.

Мы проснулись в другой реальности.

Но эта страна – была.

Кирилл Королев,

Июль 2010 года

Часть первая «ДО ОСНОВАНИЯ, А ЗАТЕМ...»

Октябрьская революция, 1917 год Лев Троцкий

К началу XX века многонациональная Российская империя оставалась единственной европейской страной, в которой еще сохранялась абсолютная монархия – самодержавие. Эта форма правления изжила себя и категорически не соответствовала изменившимся экономическим и политическим условиям, однако из-за существенной инерционности российского общества продолжала свое существование. Ее в значительной степени подорвали поражение России в русско-японской войне 1904–1905 годов и первая русская революция 1905 года, но понадобились еще десять лет, чтобы самодержавие пало. Его падение спровоцировали катастрофические людские потери в ходе Первой мировой войны, продовольственный кризис и нарастание политической активности в обществе: даже Государственная дума – российский парламент, учрежденный в 1905 году и в целом послушный монарху – все чаще выступала против царя и требовала отставки правительства, а заводы по всей стране бастовали, причем забастовщики выдвигали прежде всего политические требования.

В феврале 1917 года демонстрация рабочих Путиловского завода в Петрограде переросла в столкновения с полицией. Так началась Февральская революция, проходившая – за малыми исключениями – без вооруженных столкновений; в ее итоге последний российский император Николай II Романов отрекся от престола, началась подготовка к выборам в Учредительное собрание, а в стране установилось фактическое двоевластие: номинально Россией управляло Временное правительство в Петрограде, а на местах руководили советы рабочих и крестьянских депутатов – выборные органы, находившиеся под сильным влиянием политических партий левой ориентации, прежде всего РСДРП (большевики и меньшевики) и социалстов-революционеров (эсеры).

Временное правительство игнорировало требования общества отказаться от дальнейшего участия в Первой мировой войне, что усиливало протестные настроения, искусно подогревавшиеся социалистами, которые увидели в ситуации возможность прийти к власти в стране. В июле 1917 года восстал Петроградский гарнизон, однако восстание было подавлено вызванными с фронта частями; партию большевиков, принимавших активное участие в восстании, объявили вне закона. В августе вспыхнул так называемый корниловский мятеж – главнокомандующий русской армией генерал Л. Г. Корнилов выступил против Временного правительства и лично А. Ф. Керенского, который объявил себя «диктатором». Испугавшись, Керенский обратился к большевикам, которым сочувствовала значительная часть солдат, матросов и горожан и которые обладали реальной властью в советах депутатов; по его приказу рабочим раздали оружие для обороны Петрограда от туземной дивизии Корнилова, двигавшейся к городу. Агитаторам удалось уговорить мятежников сдаться, а вот оружие, которое раздали рабочим, вскоре повернулось против правительства.

К октябрю 1917 года страна фактически перестала существовать как единое целое, правительство слабело на глазах, и партия большевиков во главе с В. И. Ульяновым (Лениным) не преминула этим воспользоваться.

Одним из главных идеологов октябрьской революции и самых активных ее участников был Л. Д. Троцкий, впоследствии – видный партийный и государственный деятель, а затем – один из первых советских диссидентов.

Октябрьское восстание было, так сказать, заранее назначено на определенное число, на 25 октября, назначено не на тайном заседании, а открыто, всенародно, – и произошло это победоносное восстание в день 25 октября 1917 года, как было намечено.

Мировая история знает немало революционных переворотов и восстаний. Но тщетно память пытается найти в истории другое восстание угнетенного класса, которое было бы заранее во всеуслышание назначено на определенное число и было бы в положенный день совершено и притом победоносно. В этом смысле, как и во многих других, октябрьский переворот является единственным и несравненным.

Захват власти в Петрограде был приурочен ко 2-му Съезду Советов. Это «совпадение» не было делом заговорщического расчета, а вытекало из всего предшествующего хода революции и в частности – из всей агитационной и организационной работы нашей партии. Мы требовали перехода власти к Советам. Вокруг этого требования мы сплотили под знаменем нашей партии большинство членов во всех важнейших Советах. Далее, стало быть, мы не могли уже «требовать» перехода власти к Советам; как руководящая партия Советов, мы должны были эту власть взять. Мы не сомневались, что 2 Съезд Советов даст нам большинство... Мы, со своей стороны, настаивая на скорейшем созыве Съезда, нисколько не скрывали при этом, что, по нашей мысли, Съезд нужен именно для того, чтобы вырвать власть из рук правительства Керенского. В конце концов, при голосовании в советской секции Демократического Совещания, удалось перенести созыв 2 Съезда с 15 на 25 октября. Таким образом «реальный» политик меньшевизма (Ф. Дан. – *Ред.*) выторговал у истории отсрочку равным счетом в 10 дней.

На всех петроградских собраниях, как рабочих, так и солдатских, мы ставили вопрос так: 25 октября соберется 2 Всероссийский Съезд Советов; петроградский пролетариат и гарнизон потребуют от Съезда, чтобы он в первую голову поставил вопрос о власти и разрешил его в том смысле, что с настоящего часа власть принадлежит Всероссийскому Съезду Советов; в случае, если правительство Керенского попытается разогнать Съезд – так гласили бесчисленные резолюции, – петроградский гарнизон скажет свое решающее слово. <...>

Итак, Съезд был назначен на 25 октября. Партией, которой было обеспечено большинство, поставлена была Съезду задача – овладеть властью. Гарнизон, отказавшийся выходить из Петрограда, был мобилизован на защиту будущего Съезда. Военно-Революционный Комитет, противопоставленный штабу округа, был превращен в революционный штаб Петроградского Совета. Все это делалось совершенно открыто, на глазах всего Петрограда, правительства Керенского, всего мира. Факт – единственный в своем роде.

В то же время в партийных кругах и в печати открыто обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Дискуссия в значительной мере отвлеклась от хода событий, не связывая восстания ни со Съездом, ни с выводом гарнизона, а рассматривая переворот как конспиративно подготовленный заговор. На деле вооруженное восстание не только было нами «признано», но и готовилось к заранее определенному моменту, причем самый характер восстания был предопределен – по крайней мере, для Петрограда – состоянием гарнизона и его отношением к Съезду Советов.

Некоторые товарищи скептически относились к мысли, что революция назначена «по календарю». Более надежным казалось провести ее строго конспиративным образом, используя столь важное преимущество внезапности. В самом деле, ожидая восстания на 25 октября, Керенский мог, казалось тогда, подтянуть к этому числу свежие силы, произвести чистку гарнизона и пр.

Но в том-то и дело, что вопрос об изменении состава петроградского гарнизона стал главным узлом готовившегося на 25 октября переворота. Попытка Керенского изменить состав петроградских полков заранее оценивалась – и вполне основательно – как продолжение корниловского покушения. «Легализованное» восстание к тому же как бы гипнотизировало

врага. Не доводя своего приказа об отправке гарнизона на фронт до конца, Керенский в большей степени повысил самоуверенность солдат и тем самым еще более обеспечил успех переворота. <...>

Можно не сомневаться, что попытка военного заговора, независимого от 2 Съезда Советов и Военно-Революционного Комитета, могла бы в тот период только внести расстройство в ход событий, даже временно сорвать переворот. Гарнизон, в составе которого были политически неоформленные полки, воспринял бы захват власти партией путем заговора как нечто ему чуждое, для некоторых полков прямо враждебное, тогда как отказ выступить из Петрограда и решение взять на себя защиту Съезда Советов, которому надлежит стать властью в стране, был для тех же полков делом вполне естественным, понятным и обязательным. Те товарищи, которые считали утопией «назначение» восстания на 25 октября, в сущности, недооценивали нашей силы и могущества нашего политического влияния в Петрограде сравнительно с правительством Керенского.<...>

Последний удар врагу был нанесен в самом сердце Петрограда, в Петропавловской крепости. Видя настроение крепостного гарнизона, который весь перебивал на нашем митинге во дворе крепости, помощник командующего округом в самой любезной форме предложил нам «сговориться и устранить недоразумения». Мы, со своей стороны, обещали принять необходимые меры к полному устранению недоразумений. И, действительно, через два-три дня после того было устранено правительство Керенского, это крупнейшее недоразумение русской революции.

История перевернула страницу и открыла советскую главу.

В опубликованной в 1918 году брошюре «Октябрьская революция» Л. Д. Троцкий более подробно описал события накануне 25 октября и сам захват власти большевиками.

Правительство Керенского металось из стороны в сторону. Вызвали с фронта два новых батальона самокатчиков, зенитную батарею, пытались вызвать кавалерийские части... Самокатчики прислали Петроградскому Совету телеграмму с пути: «Нас ведут в Петроград, не знаем зачем, просим разъяснений». Мы предписали им остановиться и выслать делегацию в Петроград. Представители прибыли и заявили на заседании Совета, что батальон целиком на нашей стороне. Это вызвало бурю восторга. Батальону предписано было немедленно вступить в город.

Число делегатов с фронта возрастало каждый день. <...>

Военно-Революционный Комитет назначил комиссаров на все вокзалы. Они тщательно следили за прибывающими и уходящими поездами и особенно за передвижением солдат. Установлена была непрерывная телефонная и автомобильная связь со смежными городами и их гарнизонами. На все примыкающие к Петрограду Советы была возложена обязанность тщательно следить за тем, чтобы в столицу не приходили контрреволюционные или, вернее, обманутые правительством войска. Низшие вокзальные служащие и рабочие признавали наших комиссаров немедленно. На телефонной станции 24-го возникли затруднения: нас перестали соединять. На станции укрепились юнкера, и под их прикрытием телефонистки стали в оппозицию к Совету. Это – первое проявление будущего саботажа. Военно-Революционный Комитет послал на телефонную станцию отряд и установил у входа две небольшие пушки. Так началось завладение всеми органами управления. Матросы и красногвардейцы небольшими отрядами располагались на телеграфе, на почте и в других учреждениях. Были приняты меры к тому, чтобы завладеть Государственным банком. Правительственный центр, Смольный, был превращен в крепость. На чердаке его имелось, еще как наследство от старого Центрального Комитета, десятка два пулеметов, но за ними не было ухода, прислуга при пулеметах опустилась. Нами вызван был в Смольный дополнительный пулеметный отряд. Рано утром по каменным полам длинных и полутемных коридоров Смольного солдаты с грохотом катили свои пулеметы.

Из дверей высовывались недоумевающие или испуганные лица оставшихся еще в Смольном немногочисленных с.-р. и меньшевиков.

Совет собирался в Смольном ежедневно, точно так же и гарнизонное совещание.

На третьем этаже Смольного, в небольшой угловой комнате, непрерывно заседал Военно-Революционный Комитет. Там сосредоточивались все сведения о передвижении войск, о настроении солдат и рабочих, об агитации в казармах, о выступлении погромщиков, о совещании буржуазных политиков, о жизни Зимнего дворца, о замыслах прежних советских партий. Осведомители являлись со всех сторон. Приходили рабочие, офицеры, дворники, социалистические юнкера, прислуга, дамы. Многие приносили чистейший вздор, другие давали серьезные и ценные указания. Надвигалась решительная минута. Было ясно, что назад возврата нет.

24 октября вечером Керенский явился в Предпарламент и потребовал одобрения репрессивным мерам против большевиков. Но Предпарламент находился в состоянии жалкой растерянности и полного распада. Кадеты склоняли правых с.-р. принять резолюцию доверия, правые с.-р. давили на центр, центр колебался, «левое» крыло вело политику парламентской оппозиции. После совещаний, споров, колебаний прошла резолюция левого крыла, в которой осуждалось мятежное движение Совета, но ответственность за движение возлагалась на антидемократическую политику правительства. Почта ежедневно приносила десятки писем, в которых мы извещались о смертных приговорах, вынесенных против нас, об адских машинах, о предстоящем взрыве Смольного и пр., и пр. Буржуазная печать дико выла от ненависти и страха. Горький, основательно забывший свою песню о соколе, продолжал пророчествовать в «Новой Жизни» о близком светопреставлении.

Члены Военно-Революционного Комитета уже не покидали в течение последней недели Смольного, ночевали на диванах, спали урывками, пробуждаемые курьерами, разведчиками, самокатчиками, телеграфистами и телефонными звонками. Самой тревожной была ночь с 24-го на 25-е. По телефону нам сообщили из Павловска, что правительство вызывает оттуда артиллеристов, из Петергофа – школу прапорщиков. В Зимний дворец Керенским были стянуты юнкера, офицеры и ударницы. Мы отдали по телефону распоряжение выставить на всех путях к Петрограду надежные военные заслоны и послать агитаторов навстречу вызванным правительством частям. Если не удержать словами – пустить в ход оружие. Все переговоры велись по телефону совершенно открыто и были, следовательно, доступны агентам правительства.

Комиссары сообщали нам по телефону, что на всех подступах к Петрограду бодрствовали наши друзья. Часть ораниенбаумских юнкеров пробралась все же ночью через заслон, и мы следили по телефону за их дальнейшим движением. Наружный караул Смольного усилили, вызвав новую роту. Связь со всеми частями гарнизона оставалась непрерывной. Дежурные роты бодрствовали во всех полках. Делегаты от каждой части находились днем и ночью в распоряжении Военно-Революционного Комитета. Был отдан приказ решительно подавлять черносотенную агитацию и при первой попытке уличных погромов пустить в ход оружие и действовать беспощадно.

В течение этой решающей ночи все важнейшие пункты города перешли в наши руки – почти без сопротивления, без боя, без жертв. Государственный банк охранялся правительственным караулом и броневином. Здание было окружено со всех сторон нашим отрядом, броневином был захвачен врасплох, и банк перешел в руки Военно-Революционного Комитета без единого выстрела. На Неве, под Франко-Русским заводом, стоял крейсер «Аврора», находившийся в ремонте. Его экипаж весь состоял из беззаветно преданных революции матросов. Когда Корнилов угрожал в конце августа Петрограду, матросы «Авроры» были призваны правительством охранять Зимний дворец. И хотя они уже тогда относились с глубочайшей враждой к правительству Керенского, они поняли свой долг – дать отпор натиску контрреволюции – и без возражений заняли посты. Когда опасность прошла, их устранили. Теперь, в дни октябрьского восстания, они были слишком опасны. «Авроре» отдан был из морского министерства

приказ сняться и выйти из вод Петрограда. Экипаж немедленно сообщил нам об этом. Мы отменили приказ, и крейсер остался на месте, готовый в любой момент привести в движение все свои боевые силы во имя Советской власти.

На рассвете 25 октября в Смольный явились из партийной типографии рабочий и работница и сообщили, что правительство закрыло центральный орган нашей партии и новую газету Петроградского Совета. Типография была опечатана какими-то агентами власти. Военно-Революционный Комитет немедленно отменил приказ, взял под свою защиту оба издания и возложил «высокую честь охранять свободное социалистическое слово от контрреволюционных покушений на доблестный Волынский полк». Типография работала после этого без перерыва, и обе газеты вышли в положенный час.

Правительство по-прежнему заседало в Зимнем дворце, но оно уже стало только тенью самого себя. Политически оно уже не существовало. Зимний дворец в течение 25 октября постепенно оцеплялся нашими войсками со всех сторон. В час дня я заявил на заседании Петроградского Совета от имени Военно-Революционного Комитета, что правительство Керенского больше не существует и что, впредь до решения Всероссийского Съезда Советов, – власть переходит в руки Военно-Революционного Комитета.

Ленин уже несколько дней перед тем покинул Финляндию и скрывался на окраинах города в рабочих квартирах. 25-го вечером он конспиративно прибыл в Смольный. По газетным сведениям положение рисовалось ему так, как будто между нами и правительством Керенского дело идет к временному компромиссу. Буржуазная пресса так много кричала о близком восстании, о выступлении вооруженных солдат на улице, о разгромах, о неизбежных реках крови, что теперь она не заметила того восстания, которое происходило на деле, и принимала переговоры штаба с нами за чистую монету. Тем временем без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития одно учреждение за другим захватывалось стройными и дисциплинированными отрядами солдат и матросов и красногвардейцев по точным телефонным приказам, исходившим из маленькой комнаты в третьем этаже Смольного института.

Вечером происходило предварительное заседание второго Всероссийского Съезда Советов... Зимний дворец был к этому моменту окружен, но еще не взят. Время от времени из окон его стреляли по осаждавшим, которые сужали свое кольцо медленно и осторожно. Из Петропавловской крепости было дано по дворцу два-три орудийных выстрела. Отдаленный гул их доносился до стен Смольного... Выступили два матроса, которые явились для сообщений с места борьбы. Они напомнили обличителям о наступлении 18 июня, обо всей предательской политике старой власти, о восстановлении смертной казни для солдат, об арестах, разгромах революционных организаций и клялись победить или умереть. Они же принесли весть о первых жертвах с нашей стороны на Дворцовой площади. Все поднялись, точно по невидимому сигналу, и с единодушием, которое создается только высоким нравственным напряжением, пропели похоронный марш. Кто пережил эту минуту, тот не забудет ее.

Заседание нарушилось. Невозможно было теоретически обсуждать вопрос о способах построения власти под долетавшие до нас отзвуки борьбы и стрельбы у стен Зимнего дворца, где практически решалась судьба этой самой власти. Взятие дворца, однако, затягивалось, и это вызвало колебание среди менее решительных элементов Съезда. Правое крыло через своих ораторов пророчествовало нам близкую гибель. Все с напряжением ждали вестей с Дворцовой площади. Через некоторое время явился руководивший операциями Антонов. В зале воцарилась полная тишина. Зимний дворец взят, Керенский бежал, остальные министры арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость. Первая глава Октябрьской Революции закончилась.

Идеологией новой власти был марксизм – социально-экономическое учение, сформулированное немецкими философами К. Марксом и Ф. Энгельсом и перенесенное на русскую почву

Г. В. Плехановым, В. И. Ульяновым, А. А. Богдановым и другими. В России марксизм обрел экстремистскую окраску (тезис о необходимости вооруженного захвата власти) и превратился из теории в учение, которое партия большевиков попыталась реализовать на практике. Эта попытка признана величайшим социальным экспериментом XX столетия; возможно, так и есть, однако нельзя забывать, что «лабораторией» для этого эксперимента стала целая страна со всем ее населением. Мало того, лидеры большевиков мечтали о мировой революции и распространении марксизма по всей планете. Эти мечты не осуществились, зато на одной шестой части земной суши возникла и просуществовала чуть более восьмидесяти лет идеологическая империя – Союз Советских Социалистических Республик .

Первые шаги новой власти и Брестский мир, 1917–1918 годы Владимир Ульянов (Ленин)

Большевики столкнулись с ожесточенным, но разрозненным сопротивлением – мятеж генерала П. Н. Краснова, забастовки государственных служащих в министерствах и банках и т. п. Когда это сопротивление было в целом подавлено, начался демонтаж прежней системы управления («весь мир насилия мы разроем до основания, а затем мы наши, мы новый мир построим» – как пелось в «Интернационале», гимне социалистов и до 1944 года гимне СССР).

Руководитель большевиков и председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин так описывал первые месяцы правления большевиков:

Нас осыпают градом обвинений, что мы действуем террором и насилием, но мы спокойно относимся к этим выпадам. Мы говорим: мы не анархисты, мы – сторонники государства. Да, но государство капиталистическое должно быть разрушено, власть капиталистическая должна быть уничтожена. Наша задача – строить новое государство, – государство социалистическое. В этом направлении мы будем неустанно работать, и никакие препятствия нас не устроят и не остановят. Уже первые шаги нового правительства дали доказательство этому. Но переход к новому строю – процесс чрезвычайно сложный, и для облегчения этого перехода необходима твердая государственная власть. До сих пор власть находилась в руках монархов и ставленников буржуазии. Все их усилия, вся их политика направлялись на то, чтобы принуждать народные массы.

Мы же говорим: нужна твердая власть, нужно насилие и принуждение, но мы его направим против кучки капиталистов, против класса буржуазии. С нашей стороны всегда последуют меры принуждения в ответ на попытки – безумные, безнадежные попытки – сопротивляться Советской власти. И во всех этих случаях ответственность за это падет на сопротивляющихся. <...>

Буржуазия и интеллигентские буржуазные круги населения всемерно саботируют народную власть. Трудящимся массам надеяться, кроме как на самих себя, ни на кого не приходится. Без сомнения, задачи, стоящие перед народом, неизмеримо трудны и велики. Но нужно верить в свои собственные силы, нужно, чтобы все, что проснулось в народе и способно к творчеству, вливалось в организации, которые имеются и будут строиться в дальнейшем трудящимися массами. Массы беспомощны, если они разрознены; они сильны, если сплочены. Массы поверили в свои силы и, не смущаясь травлей со стороны буржуазии, начали приступать к самостоятельной работе по управлению государством. На первых шагах могут встретиться трудности, может сказаться недостаточная подготовленность. Но нужно практически учиться управлять страной, учиться тому, что составляло раньше монополию буржуазии. <...>

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял декрет о земле, в котором большевики целиком воспроизводят принципы, указанные в крестьянских наказах... Как бы ни разрешился земельный вопрос, какая бы программа ни легла в основу осуществления перехода земли к крестьянам, – это не составит помехи для прочного союза крестьян и рабочих. Важно лишь то, что если крестьяне веками упорно добиваются отмены собственности на землю, то она должна быть отменена.

Первыми общенациональными декретами Советской власти были декрет о мире и декрет о земле (о них и упоминает Ленин в своем выступлении). Первый декрет предлагал «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедлив-

вом демократическом мире. Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, – миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, – таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций. Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций». Второй декрет гласил, что «1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. 2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания. 3) Какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.».

Результатом первого декрета стало подписание 3 марта 1918 года в Брест-Литовске мирного договора между Советской Россией и Центральными державами (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария). По этому договору Россия лишилась значительной части территорий – Украины, Прибалтики, Финляндии, районов Кавказа – и соглашалась уплатить репарации, однако это позволило стране выйти из войны и заняться укреплением власти.

В. И. Ленин в докладе на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) так охарактеризовал «похабный мир», как было названо Брестское соглашение:

Товарищи, условия, которые предложили нам представители германского империализма, неслыханно тяжелы, безмерно угнетательские, условия хищнические. Германские империалисты, пользуясь слабостью России, наступают нам коленом на грудь. И при таком положении мне приходится, чтобы не скрывать от вас горькой правды, которая является моим глубоким убеждением, сказать вам, что иного выхода, как подписать эти условия, у нас нет. И что всякое иное предложение является накликаньем либо вольным, либо невольным еще худших зол и полного дальнейшего (если тут можно говорить о степенях) подчинения Советской республики, порабощения ее германскому империализму, либо это является печальной попыткой отговориться словами от грозной, безмерно тяжелой, но несомненной действительности. Товарищи, вы прекрасно знаете все, а многие из вас и по личному опыту, что на Россию свалилась тяжесть империалистической войны, по причинам всем понятным, неоспоримым, более грозная и тяжелая, чем на другие страны; вы знаете поэтому, что наша армия так истерзана, измучена была войной, как никакая другая; что все те клеветы, которые бросали на нас буржуазная печать и партии, им помогавшие или враждебные Советской власти, будто бы большевики разлагали войска, – являются вздором... Все, что можно было сделать для того, чтобы удержать эту неслыханно, неизмеримо уставшую армию, все, что возможно было сделать для того, чтобы сделать ее сильнее, было сделано... Действительность показала нам, что воевать после трех лет войны наша армия ни в коем случае не может и не хочет. Вот основная причина, простая, очевидная, в высшей степени горькая и тяжелая, но совершенно ясная, что,

живя рядом с хищником-империалистом, мы вынуждены подписать условия мира, когда он ставит нам колено на грудь. Вот почему я говорю в полном сознании, какую ответственность я беру на себя, и повторяю, что от этой ответственности ни один представитель Советской власти не имеет права уклониться. Конечно, приятно и легко бывает говорить рабочим, крестьянам и солдатам, приятно и легко бывало наблюдать, как после Октябрьского переворота революция шла вперед, а когда приходится признавать горькую, тяжелую, несомненную истину – невозможности революционной войны, – теперь от этой ответственности уклоняться непозволительно и надо взять это на себя прямо. Я считаю себя обязанным, считаю необходимым выполнить свой долг и прямо сказать то, что есть, и поэтому я убежден, что трудящийся класс России, который знает, что такое война, чего она трудящимся стоила, до какой степени изнурения и истощения она их довела, в этом я не сомневаюсь ни секунды, они с нами вместе сознают всю неслыханную тяжесть, грубость, гнусность этих условий мира и тем не менее оправдают наше поведение. Они скажут: вы должны были, вы взялись предложить условия мира немедленного и справедливого, вы должны были использовать все, что возможно было, для отсрочки мира, чтобы посмотреть, не примкнут ли другие страны, не придет ли на помощь к нам европейский пролетариат, без помощи которого нам прочной социалистической победы добиться нельзя. Мы сделали все, что возможно, для того, чтобы затянуть переговоры, мы сделали даже больше, чем возможно, мы сделали то, что после брестских переговоров объявили состояние войны прекращенным, уверенные, как были уверены многие из нас, что состояние Германии не позволит ей зверского и дикого наступления на Россию. На этот раз нам пришлось пережить тяжелое поражение, и поражению надо уметь смотреть прямо в лицо. Да, революция шла до сих пор по линии, восходящей от победы к победе; она теперь понесла тяжелое поражение... Вот почему сложилось то отчаянное, трагическое положение, которое заставляет нас сейчас принять мир и заставит трудящиеся массы сказать: да, они поступили правильно, они сделали все, что могли, чтобы предложить мир справедливый, они должны были подчиниться миру, самому угнетательскому и несчастному, потому что иного выхода у страны нет. Их положение таково, что они вынуждены давать бой не на живот, а на смерть Советской республике; если теперь не продолжают своих замыслов идти на Петроград и Москву, то потому только, что они связаны кровопролитной и грабительской войной с Англией, что есть еще внутренний кризис. Когда мне указывают на то, что немецкие империалисты могут завтра, послезавтра представить еще худшие условия, то я говорю, что надо быть к этому готовыми; естественно, что, живя рядом со зверскими хищниками, Советская республика должна ждать нападения. Если теперь мы не можем ответить войной, то потому, что нет сил, потому, что и воевать можно только с народом. Если успехи революции заставляют многих из товарищей говорить противное, то это не есть массовое явление, это не есть выражение воли и мнения настоящих масс; если вы пойдете к настоящему трудящемуся классу, к рабочим и крестьянам, то вы услышите один ответ, что мы не можем вести войну ни в коем случае, нет физических сил, мы захлебнулись в крови, как говорил один из солдат. Эти массы поймут нас и оправдают, когда мы подпишем этот вынужденный и неслыханно тягостный мир. Может быть, отдых для подъема масс займет немало времени, но те, которым приходилось переживать долгие годы революционных битв в эпоху подъема революции и эпоху, когда революция падала в пропасть, когда революционные призывы к массам не находили у них отклика, знают, что все же революция всегда поднималась вновь; поэтому мы говорим: да, сейчас массы не в состоянии вести войну, сейчас каждый представитель Советской власти обязан сказать всю горькую правду в лицо народу, пройдет время неслыханной тяготы и трехлетней войны и отчаянной разрухи царизма, и народ увидит в себе силу и возможность дать отпор. Перед нами стоит сейчас угнетатель; на угнетение лучше всего, конечно, ответить революционной войной, восстанием, но, к сожалению, история показала, что на угнетение не всегда можно отвечать восстанием; но отказ от восстания не означает еще отказа от революции. Не поддавайтесь провокации, которая исходит из буржуазных

газет, противников Советской власти; да, у них нет иного слова, как «похабный мир» и криков «Позор!» по поводу этого мира, а на самом деле эта буржуазия встречает с восторгом немецких завоевателей. Они говорят: «Вот немцы, наконец, придут и дадут нам порядок», вот чего они хотят и травят криками «похабный мир, позорный мир». Они хотят, чтобы Советская власть дала бой, неслыханный бой, зная, что у нас сил нет, и тащат в полное порабощение к немецким империалистам, чтобы устроить сделку с немецкими полицейскими, но они выражают только свои классовые интересы, потому что знают, что крепнет Советская власть. Эти голоса, эти крики против мира – лучшее доказательство в моих глазах того, что отрекающиеся от этого мира не только тешили себя непоправимыми иллюзиями, поддавались на провокацию. Нет, надо смотреть губительной истине прямо в лицо: перед нами угнетатель, поставивший колено на грудь, и мы будем бороться всеми средствами революционной борьбы. Но сейчас мы находимся в отчаянно трудном положении, наш союзник не может поспешить на помощь, международный пролетариат не может прийти сейчас, но он придет.

Политические противники большевиков – эсеры и меньшевики – критиковали Брестский мир, кое-где на местах они захватили власть (Поволжье, Сибирь), в июле 1918 года произошел эсеровский мятеж в Москве, а на Урале во многом по инициативе местных эсеров, сторонников продолжения войны, была расстреляна царская семья. Поражение Германии и заключение в ноябре 1918 года Компьенского перемирия, которое объявило недействительными все договоры, заключенные с Германией прежде, позволили аннулировать Брестский мир и вернуть большую часть территорий.

Россия распятая, 1917–1918 годы

Максимилиан Волошин, Александр Блок

Чувства образованного человека, попавшего в водоворот революционных событий, прекрасно выразил поэт и критик М. А. Волошин в очерке «Россия распятая».

Февраль 1917 года застал меня в Москве. Москва переживала петербургские события радостно и с энтузиазмом. Здесь с еще большим увлечением и с большим правом торжествовали «бескровную революцию», как было принято выражаться в те дни. Первого марта Москва прочла манифест об отречении от престола Николая II. Обычная общественная жизнь, прерванная тремя днями тревоги, продолжалась по инерции. На этот день было назначено открытие посмертной выставки Борисова-Мусатова. И выставка открылась.

На вернисаже было много народу. Собрались, скорее, чтобы встретиться и обменяться новостями, чем смотреть картины. И едва ли многие подозревали тогда, что эта выставка – последний смотр уходящим помещичьим идиллиям русской жизни. Ко мне подошел известный московский адвокат и попросил составить воззвание о памятниках искусства, отдающихся под охрану народа. Когда воззвание было написано и скреплено многими подписями, он отвел меня в сторону:

– Хотите, покажу вам нечто весьма интересное... В другое время не увидите. Только, чур, никому не говорить. Прихватим только Грабаря... Это тут рядом, через дорогу...

Мы перешли через улицу – это было в Салтыковском переулке – и вошли во двор серого, мрачного, запущенного двухэтажного купеческого особняка, отделенного от тротуара забором и палисадником. Поднялись по черной лестнице, прикрытой деревянной галереей, и позвонили у двери, крытой драной клеенкой, из-под которой торчала мочала.

Нам отворил хозяин в сапогах бутылками, в жилете, с рубахой навыпуск. Это был высокий старик с густыми седыми бровями, с длинной зеленой бородой, с бледно-голубыми, светлыми, детскими, но в то же время жуткими – «распутинскими» глазами.

– Грабарь... это цто историю искусства написал. Цитал... Волошин? Не цитал, не знаю... – говорил он, сильно цокая, вводя нас в комнаты. Квартира, в которую мы вошли, сбивала с толку своими странностями. Первая комната носила характер купеческой старозаветной гостиной... Мебель в чехлах, пыльный кокон обтянутой коленкором люстры, портреты, затянутые марлей от мух, непромытые стекла – все носило характер странного запустения. Только один угол комнаты, где стоял круглый стол, покрытый красной клетчатой скатертью, с неугасимым самоваром, был жилым. Дальше вел лабиринт комнат, коридоров, перегородок, где во всех углах можно было усмотреть логова – неприкрытые тюфяки с красными подушками и со смятыми лоскутчатыми одеялами. И посреди всей этой странной, почти нищенской обстановки были собраны такие сокровища, что Грабарь так и ахнул:

– Да здесь их на миллионы собрано... Куда вы нас завели?

– Тсс... Я вам хотел сюрприз сделать. Это один из моих клиентов. Это беспоповская молельня. Он сам удивительный знаток иконописи. Тут и он, и его отец, и дед из рода в род собирали. Вы с ним поговорите-ка об иконах, – прошептал адвокат.

По всем стенам и перегородкам, разделявшим комнаты, сверху донизу, во много рядов были развешаны иконы. Все это были древние драгоценные иконы цвета слоновой кости, киновари и золота, новгородского, московского и строгановского письма: чины, Спасы, Успенья...

– Да мне всю мою «Историю живописи» заново переделывать придется! – восклицал Грабарь, когда мы с тоненькими восковыми свечками, взбираясь по приставным лестницам, рассматривали их по темным углам. Хозяин действительно оказался знатоком, и у них с Грабарем тотчас же разгорелся горячий разговор, и тот, воодушевляясь, вел нас по более укром-

ным закоулкам, хвастаясь потаенными сокровищами. Только мимо некоторых он проходил, роняя с небрежностью:

– Ну, эти смотреть не стоит – это совсем новенькие: времен Алексея Михайловича...

При этом в тоне его слышалось и конфузливое извинение, как у владельца галереи старых мастеров, который торопится поскорее провести знатока-посетителя мимо случайно затесавшегося портрета кисти современного плохонького живописца. Это глубокое пренебрежение к искусству времен первых Романовых, как к непростительной новизне, наивно высказанное в тот самый день, которым заключалась история династии, было поразительно. Я не преувеличу, если скажу, что из всех впечатлений, полученных в дни февральской революции, оно было самым глубоким и плодородным. Оно сразу создавало историческую перспективу, отодвигая целое трехсотлетие русской истории в глубину и позволяя осознать всю историю дома Романовых и петербургский период как отжитый исторический эпизод. Следующее, еще более глубокое впечатление пришло через несколько дней. На Красной площади был назначен революционный парад в честь торжества революции. Таяло. Москву развезло. По мокрому снегу под кремлевскими стенами проходили войска и группы демонстрантов. На красных плакатах впервые в этот день появились слова: «Без аннексий и контрибуций».

Благодаря отсутствию полиции в Москву из окрестных деревень собралось множество слепцов, которые, расположившись по папертям и по ступеням Лобного места, заунывными голосами пели древнерусские стихи о Голубиной книге и об Алексее – человеке Божием.

Торжествующая толпа с красными кокардами проходила мимо, не обращая на них никакого внимания. Но для меня, быть может подготовленного уже предыдущим, эти запевки, от которых веяло всей русской стариной, звучали закланиями. От них разверзлось время, проваливалась современность и революция, и оставались только кремлевские стены, черная московская толпа да красные кумачовые пятна, которые казались кровью, проступившей из-под этих вещей камней Красной площади, обгаренных кровью Всея Руси. И тут внезапно и до ужаса отчетливо стало понятно, что это только начало, что русская революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени.

Когда я возвращался домой, потрясенный понятием и провиденным, в уме слагались строфы первого стихотворения, внушенного мне революцией. <...>

Эпоха Временного правительства психологически была самым тяжелым временем революции. Февральский переворот фактически был не революцией, а солдатским бунтом, за которым последовало быстрое разложение государства. Между тем обреченная на гибель русская интеллигенция торжествовала революцию как свершение всех своих исторических чаяний. Происходило трагическое недоразумение: вестника гибели встречали цветами и плясками, принимая его за избавителя. Русское общество, уже много десятилетий жившее ожиданием революции, приняло внешние признаки (падение династии, отречение, провозглашение республики) за сущность события и радовалось симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления. Эти месяцы были вопиющим и трагическим противоречием между всеобщим ликованием и реальной действительностью. Все дифирамбы в честь свободы и демократии, все митинговые речи и газетные статьи того времени были нестерпимой ложью. Правда – страшная, но зато подлинная – обнаружилась только во время октябрьского переворота. Русская революция выявила свой настоящий лик, тайно назревавший с первого дня ее, но для всех неожиданный. Как это случилось?

Недоразумение началось значительно раньше. Если нам удастся отрешиться от круга интеллигентских предрассудков, в котором выросли все мы – родившиеся во вторую половину XIX века, то мы должны признать, что главной чертой русского самодержавия была его революционность: в России монархическая власть во все времена была радикальнее управляемого ею общества и всегда имела склонность производить революцию сверху, старалась админи-

стративным путем перекинуть Россию на несколько столетий вперед согласно идеалам прогресса своего времени, прибегая для этого к самым сильным насильственным мерам в духе застенков Александровской слободы и Преображенского приказа. Так было во времена Грозного, так было во времена Петра.

Но революционное самодержавие нуждалось в кадрах помощников и всегда стремилось создать для своих нужд служилое сословие: то опричнину, то дворянство. Петр, наскоро сколотив дворянство для своих личных текущих нужд, в то же время озаботился созданием другого, более устойчивого класса, который мог бы впоследствии обслуживать революционное самодержавие. Для этого им был заброшен в русское общество невод Табели о рангах, и его улов создал разночинцев. Из них-то, смешавшись с более живыми элементами дворянства, через столетие после смерти Преобразователя и выкристаллизовалась русская интеллигенция. Но XIX век принес с собою вырождение династии Романовых – фамилии, которая в сущности изжила свое цветение до вступления на престол и в борьбе за него, а к XIX веку окончательно деформировалась под разлагающим влиянием немецкой крови Гольштинского, Вюртембергского и Датского домов. При этом любопытно то, что консервативные царствования Николая I и Александра III все же более примыкали к революционным традициям русского самодержавия, чем либеральные правления Александра I и Александра II. В результате первого самодержавие поссорилось с дворянством, при втором отвергло интеллигенцию, которая как раз созрела к тому времени.

Таким образом, тот именно класс народа, который был вызван к жизни самой монархией для государственной работы, был ею же отвергнут, признан опасным, подозрительным и нежелательным. В государстве, всегда испытывавшем нужду в людях, образовался тип «лишних людей». В их ряды вошло, естественно, все наиболее ценное и живое, что могла дать русская культура того времени. Таким образом, правительство, перестав следовать исконным традициям русского самодержавия, само выделило из себя революционные элементы и вынудило их идти против себя... Когда наступила разруха 17-го года, революционная интеллигенция принуждена была убедиться в том, что она плоть от плоти, кость от костей русской монархии и что, свергнув ее, она подписала этим самым свой собственный приговор. Так как бороться с нею она могла только в ограде крепких стен, построенных русским самодержавием. Но раз сами стены рушились – она становилась такой же ненужной, как сама монархия. Строить стены и восстанавливать их она не умела: она готовилась только к тому, чтобы их расписывать и украшать. Строить новые стены пришли другие, незванные, а она осталась в стороне.

В сложном клубке русских событий 17-го года средоточием драматического действия был Петербург, бывший основной точкой приложения революционного самодержавия Петра. Престол петербургской империи был сколочен Петром на фигуру и на весь рост медного исполина. Его занимали карлики. Вы знаете, конечно, что спиритические явления основаны на том, что медиум, опоражнивая свою волю и гася сознание своей личности, создает внутри себя духовную пустоту и тогда те духи, те сущности, которые всегда теснятся и кишат вокруг человека, устремляются в распахнутые двери и начинают творить бессмысленные и бесполезные чудеса спиритических сеансов. Духи эти, разумеется, духи не высокого полета: духи-звери, духи-идиоты, духи-самозванцы, обманщики, шарлатаны. Это же происходило в последние годы старого режима, когда в пустоту державного средоточия ринулись распутины, илиодоры и их присные. Импровизированный спиритический сеанс завершился в стенах Зимнего дворца всенародным бесовским шабашем 17-го года, после которого Петербург сразу опустел и вымер согласно древнему заклятию последней московской царицы: «Питербурху быть пусту!» <...>

Но в то время, когда в Петербурге шли эти бесы пляски, Россия как государство еще не имела права заниматься исключительно своими внутренними делами: вплетенная в напряженную борьбу Великой Европейской войны, которую она сама же отчасти и вызвала, она не была

предоставлена самой себе. Тут-то и обнаружилась вся государственная беспочвенность русской интеллигенции. Она не смогла убедить народ в том, что он принимает из рук царского правительства государственное наследство со всеми долгами и историческими обязательствами, на нем лежащими, – не смогла только потому, что в ней самой это сознание было недостаточно глубоко. Мне памятно, как в марте на собрании московских литераторов Валерий Брюсов, предлагая резолюцию, говорил: «Мы должны сказать Франции, Бельгии и Англии: Франция! Бельгия! Англия! Не рассчитывайте больше на нашу помощь – боритесь сами за свою свободу, потому что мы теперь должны оберегать нашу драгоценную революцию».

Поэтому я далек от мысли возлагать всю ответственность за Брестский мир на одних большевиков. Для них он был только ловким политическим ходом, и история показала, что они были правы. Но это нисколько не снимает тяжелой моральной ответственности со всего русского общества, которое несет теперь на себе все заслуженные последствия его. <...>

В эти дни Россия являла зрелище беспрецедентного бескорыстия: не сознавая своей ответственности перед союзниками, ею отчасти вовлеченными в войну, она в то же время глубоко сознавала исторические вины царской политики по отношению к племенам, входившим в ее имперский состав – к Польше, Украине, Грузии, Финляндии, и спешила в неразумном, но прекрасном порыве раздать собиравшиеся в течение веков несправедливым, как ей казалось, путем земли, права, сокровища. С этой точки зрения она казалась уже не одержимой, а юрочивой, и деяния ее рождали не негодование, а скорбное умиление и благоговение. <...>

Когда в октябре 17-го года с русской революции спала интеллигентская идеологическая шелуха и обнаружился ее подлинный лик, то сразу начало выявляться ее сродство с народными движениями давно отжитых эпох русской истории. Из могил стали вставать похороненные мертвецы; казалось, навсегда отошедшие страшные исторические лики по-новому осветились современностью. Прежде всего проступили черты Разиновщины и Пугачевщины, и вспомнилось старое волжское предание, по которому Разин не умер, но, подобно Фридриху Барбароссе, заключен внутри горы и ждет знака, когда ему вновь «судить Русскую землю». Иногда его встречают на берегу Каспийского моря, и тогда он спрашивает: продолжают ли его предавать анафеме, не начали ли уже в церквях зажигать сальные свечи вместо восковых, не появились ли уже на Волге и на Дону «самолетки и самоплавки»?..

Наравне с Разиновщиной еще более жуткой загадкой ближайшего, может быть завтрашнего, дня вставала Самозванщина на фоне Смутного времени... Волна всеобщего развала достигла Крыма и сразу приняла кровавые формы. Началось разложение Черноморского флота. Когда я в первый раз при большевиках подъезжал из Коктебеля к Феодосии, под самым городом меня встретил мальчишка, посмотрел на меня, свистнул и радостно сообщил: «А сегодня буржуев резать будут!» Это меня настолько заинтересовало, что, приехав на два дня, я остался в городе полтора месяца. Феодосия представляла в эти дни единственное зрелище: сюда опоражнивалась Трапезундская армия, сюда со всех берегов Черноморья стремились транспорты с войсками и беженцами как в единственный открытый порт.

Положение было у нас настолько парадоксальное, что советская власть в городе была крайне правой партией порядка. Во главе Совета стоял портовый рабочий – зверь зверем, но, когда пьяные матросы с «Фидониси» потребовали устройства немедленной резни буржуев, он нашел для них слово, исполненное неожиданной государственной мудрости: «Здесь буржуи мои, и никому чужим их резать не позволю», установив на этот вопрос совершенно правильную хозяйственно-экономическую точку зрения. И едва ли не благодаря этой удачной формуле Феодосия избежала своей Варфоломеевской ночи.

В те дни в Феодосию прибыло турецкое посольство и привезло с собою тяжелораненых военнопленных. Совет устроил банкет – не военнопленным, умиравшим от голоду, а турецкому посольству. Произносились политические речи, один за другим вставали ораторы и говорили: «Передайте турецкому пролетариату и вашей молодежи... Социальная республика... Да

здравствует Третий Интернационал!» После каждой речи вставал почтенный турок в мундире, увешанном орденами, и вежливо отвечал одними и теми же словами: «Мы видим, слышим, понимаем... и обо всем, что видели и слышали, с отменным чувством передадим Его Величеству – Султану».

Между тем борьба с анархистами шла довольно успешно, и однажды феодосийцы могли прочесть на стенах трогательное воззвание: «Товарищи! Анархия в опасности: спасайте анархию!» Но на следующий же день на тех же местах висело уже мирное объявление: «Революционные танцклассы для пролетариата. Со спиртными напитками». <...>

Среди тех, чью руку хотелось удержать тогда, выделялись два типа, которые оба уже отошли теперь в историческое прошлое: это тип красногвардейца и тип матроса. Личины их я зарисовал позже, уже в 19-м году, при втором нашествии большевиков, но наблюдаены и задуманы они были тою весной.

И вот, несмотря на все отчаяние и ужас, которыми были проникнуты те месяцы, в душе продолжала жить вера в будущее России, в ее предназначенность.

Память невольно искала аналогий судьбам России в истории падений и разрушений других империй. <...>

В Русской революции прежде всего поражает ее нелепость. Социальная революция, претендующая на всемирное значение, разражается прежде всего и с наибольшей силой в той стране, где нет никаких причин для ее возникновения: в стране, где нет ни капитализма, ни рабочего класса. Потому что нельзя же считать капиталистической страну, занимающую одну шестую всей суши земного шара, торговый оборот которой мог бы свободно уместиться, даже в годы расцвета ее промышленности, в кармане любого американского миллиардера.

Рабочий же класс, если он у нас и существовал в зачатом состоянии, то с началом революции он перестал существовать совершенно, так как всякая фабричная промышленность у нас прекратилась.

Точно так же и земельного вопроса не может существовать в стране, которая обладает самым редким населением на земном шаре и самой обширной земельной территорией. Совершенно ясно, что тут дело идет вовсе не о переделе земель, а о нормальной колонизации Великой русской и Великой сибирской низменности, колонизации, которая идет уже в течение тысячелетий, которой исчерпывается вся русская история и которую нельзя разрешить одним росчерком пера и указом о конфискации помещичьих земель. С другой же стороны, дело идет о переводе сельского хозяйства на более высокую и интенсивную ступень культуры, что тоже неразрешимо революционным путем.

В России нет ни аграрного вопроса, ни буржуазии, ни пролетариата в точном смысле этих понятий. Между тем именно у нас борьба между этими несуществующими величинами достигает высшей степени напряженности и ожесточения. На наших глазах совершается великий исторический абсурд. Но... *Credo quia absurdum!* В этом абсурде мы находим указание на провиденциальные пути России. <...>

С Россией произошло то же, что происходило с католическими святыми, которые переживали крестные муки Христа с такою полнотой веры, что сами удаивались получить знаки распятия на руках и на ногах. Россия в лице своей революционной интеллигенции с такой полнотой религиозного чувства созерцала социальные язвы и будущую революцию Европы, что сама, не будучи распята, приняла своею плотью стигмы социальной революции. Русская революция – это исключительно нервно-религиозное заболевание.

Мы вправе рассматривать совершающуюся революцию как одно из глубочайших указаний о судьбе России и об ее всемирном служении. <...>

Россия с изумительной приспособляемостью вынашивает в себе смертельные эссенции ядов, бактерий и молний. Союзники поступают благоразумно, когда остерегаются вмешиваться во внутренние дела России и не хотят принимать активного участия в нашей гражданской

войне. Англичане тысячу раз правы, когда, боясь прикоснуться к нам, протягивают нам пищу и припасы на конце шеста, как прокаженным. Я был в прошлом году в Одессе, когда французы, неосторожно прикоснувшись к больному органу, немедленно почувствовали признаки заразы в своем теле и принуждены были позорно бежать, нарушая все свои обещания, кидая снаряды, танки, амунизию, припасы, и потом долго лечились, выжигая и вырезая зараженные места. <...>

Русская жизнь и государственность сплавлены из непримиримых противоречий: с одной стороны, безграничная, анархическая свобода личности и духа, выражающаяся во всем строе ее совести, мысли и жизни; с другой же – необходимость в крепком железном обруче, который мог бы сдерживать весь сложный конгломерат земель, племен, царств, захваченных географическим распространением империи. С одной стороны – Толстой, Кропоткин, Бакунин, с другой – Грозный, Петр, Аракчеев.

Ни от того, ни от другого Россия не должна и не может отказаться. Анархическая свобода совести ей необходима для разрешения тех социально-моральных задач, без ответа на которые погибнет вся европейская культура; империя же ей необходима и как щит, прикрывающий Европу от азиатской угрозы, и как крепкие огнеупорные стены тигля, в котором происходят взрывчатые реакции ее совести, обладающие страшной разрушительной силой. <...>

Внутреннее сродство теперешнего большевизма с революционным русским самодержавием разительно. Так же как Петр, они мечтают перебросить Россию через несколько веков вперед, так же как Петр, они хотят создать ей новую душу хирургическим путем, так же как Петр, цивилизуют ее казнями и пытками: между Преображенским приказом и Тайной канцелярией и Чрезвычайной комиссией нет никакой существенной разницы. Отбросив революционную терминологию и официальные лозунги, уже ставшие такими же стертыми и пустыми, как «самодержавие, православие и народность» недавнего прошлого, по одним фактам и мероприятиям мы не сможем дать себе отчета, в каком веке и при каком режиме мы живем. Это сходство говорит не только о государственной гибкости советской власти, но и о неизбежности государственных путей России, о том ужасе, который представляет собою русская история во все века. Сквозь дыбу и застенки, сквозь молодецкую работу заплечных мастеров, сквозь хирургические опыты гениальных операторов выносили мы свою веру в конечное преображение земного царства в церковь, во взыскуемый Град Божий, в наш сказочный Китеж – в Град Невидимый, скрытый от татар, выявленный в озерных отражениях.

Воистину вся Русь – это Неопалимая купина, горящая и несгорающая сквозь все века своей мученической истории.

Пламя, в котором мы горим сейчас, – это пламя гражданской войны. Кто они – эти беспощадно борющиеся враги? Пролетарии и буржуи? Но мы знаем, что это только маскарадные псевдонимы, под которыми ничего не скрывается. Каковы же их подлинные имена? Что разделило их?.. Молитва поэта во время гражданской войны может быть только за тех и за других: когда дети единой матери убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из братьев. <...>

Несмотря на мои заявления об аполитичности моих стихотворений и моего подхода к современности, я не сомневаюсь, что у моих слушателей возникнет любопытствующий вопрос: «А все-таки... А все-таки чего же хочется самому поэту: социализма, монархии, республики?» И я уверен, что люди добровольческой ориентации уже решили в душе, что я скрытый большевик, так как говорю о государственном строительстве в советской России и предполагаю ее завоевательные успехи, а люди, социалистически настроенные, – что я монархист, так как предсказываю возвращение России к самодержавию. Но я действительно ни то, ни другое. Даже не социал-монархист. Мой единственный идеал – это Град Божий. Но он находится не только за гранью политики и социологии, но даже за гранью времен. Путь к нему – вся крестная, страстная история человечества.

Я не могу иметь политических идеалов потому, что они всегда стремятся к наивозможному земному благополучию и комфорту. Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего его исторической, всечеловеческой миссии. И заранее знаю, что этот путь – путь страдания и мученичества. Что мне до того, будет ли он вести через монархию, социалистический строй или через капитализм, – все это только различные виды пламени, проходя через которые перегорает и очищается человеческий дух. Я равно приветствую и революцию, и реакцию, и коммунизм, и самодержавие, так же как епископ Труасский святой Лу приветствовал Атиллу: «Да будет благословен твой приход, Бич Бога, которому я служу, и не мне останавливать тебя!» Поэтому я могу быть только глубоко благодарен судьбе, которая удостоила меня жить, мыслить и писать в эти страшные времена, нами переживаемые. А над моей размыканной и окровавленной родиной я могу произнести только одну молитву: это «Заклятье о Русской земле».

«Мыслил и писал в эти страшные времена» и другой гений русской поэзии – Александр Блок, произнося свое «заклятье о Русской земле» в поэме «Двенадцать», написанной в январе 1918 года (по мнению С. Н. Булгакова, «вещь пронзительная, кажется, единственно значительная из того, что появилось в области поэзии за революцию»). Что хотел он сказать финалом своей поэмы – остается до сих пор загадкой:

...Вдаль идут державным шагом...
– Кто еще там? Выходи!
Это – ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...
Впереди – сугроб холодный,
– Кто в сугробе? выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...
– Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались – поколочу!
...Скалит зубы – волк голодный —
Хвост поджал – не отстает —
Пес холодный – пес безродный...
– Эй, откликнись, кто идет?
...Так идут державным шагом,
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди – Иисус Христос.

«В коммуне остановка»: комсомол и пионерия, 1918–1922 годы

Алексей Ахманов, Иван Коцюруба, Владимир Зорин

Молодежные организации политического толка стали возникать в России после Февральской революции, а после октября 1917 года это движение приобрело немалый размах. Чтобы объединить разрозненные организации в малых и крупных городах и на селе, в 1918 году был создан Российский коммунистический союз молодежи – РКСМ, впоследствии – Всесоюзный ленинский, коротко ВЛКСМ, иначе комсомол.

«Молодой коммунист», если воспользоваться пропагандистским штампом тех лет, из Петрограда А. Ахманов вспоминал:

Организационное бюро находилось в помещении Московского комитета союза молодежи. Это было какое-то огромное школьное здание, с длинными коридорами. <...>

В разговорах окружающих товарищей часто упоминались две фамилии: Цетлин и Шацкин. С этими двумя товарищами нам вскоре пришлось встретиться тут же, в организационном бюро. Тов. Цетлин или Шацкин, как нам сказали, переговорит с нами о съезде и о нашей местной работе.

Смуглый, с черной копной волос на голове, невысокого роста, в косоворотке, Ефим Цетлин производил впечатление простецкого парня. Глядя прямо в лицо собеседнику светлыми, лучистыми, одобряющими глазами, он слушал внимательно. Ефим сразу стал нам близок, как старый и надежный друг. Лазарь Шацкин во время нашей беседы с Ефимом был занят другими товарищами. В блестящей кожаной куртке нараспашку, широкоплечий и довольно высокий, с открытым большим лбом и блестящими глазами, Лазарь напоминал собою капитана, отдающего команды резким и звонким голосом. Он казался властным юношей, верящим в свои молодые силы и непоколебимым в своих решениях. Никогда нельзя было даже предположить, что этому стройному юноше всего лишь 16 лет. <...>

29 октября 1918 года, при сером осеннем свете, тщетно соперничавшем с электрическими снопами большой люстры залы «дома съездов», Ефим Цетлин от имени организационного бюро объявил 1 Всероссийский съезд организаций рабочей и крестьянской молодежи открытым.

Этот час был поистине незабываемым. В те дни вся страна особенно переживала революционный подъем. Через юнкерские кордоны и колючие провололочные заграждения проникали в Советскую Россию предвестия близкой революции в Германии. Это было началом того периода, когда считали потерянным каждый день, не приносящий вести о революции в каком-либо капиталистическом государстве. Все наши чувства были остро настроены на интернациональный лад. Высказанная во вступительной речи Цетлина уверенность в том, что за нашим съездом последует международный съезд молодежи, вызвала бурю восторженных аплодисментов. <...>

Съезд начал свою деловую часть смотром сил местных союзов. Доклады с мест выявили самую пеструю картину разнообразной деятельности организаций молодежи. Характер союзной работы оказался всеобъемлющим: от героической борьбы на фронте и в подполье у белых – до устройства танцевальных курсов. Питер, Москва, Урал, Украина, промышленные и прифронтовые города отдавали свои лучшие силы фронту. Если Воронежский союз мог похвастаться созданием лучшей в городе спортивной организации, то представители Глухова, Московской губ., порадовали нас организацией бесплатной столовой для детей бедных семей. Если

одни делегаты настаивали на культурно-просветительной работе, то другие признавали главным образом политико-воспитательную деятельность. <...>

На съезде группа товарищей высказывалась против предложения назвать союз коммунистическим. Наиболее ярким идеологом этой группы «справа» был воронежский делегат Петкевич. Высокопарными фразами, в роде того, что «знамя коммунизма каждый из нас должен носить в сердце», он возражал против названия «коммунистический союз», которое отпугнет-де от союза малосознательные, в особенности крестьянские массы молодежи. Он говорил:

– Если мы примем название «коммунистический союз», то наша танцевальная секция, при помощи которой мы пытаемся привлечь новых членов, потеряет свой агитационный смысл.

– Коммунисты сражаются, а не танцуют! – ответил ему с достоинством питерский делегат В. Петропавловский, впоследствии героически погибший на фронте. <...>

При голосовании вопроса о названии союза подавляющим большинством съезд постановил назвать союз Российским коммунистическим союзом молодежи. Таким образом был основан комсомол. <...>

Президиуму оставалось выполнить поручение съезда – посетить тов. Ленина и рассказать ему об организации и задачах комсомола, о том, что родился младший брат славной большевистской коммунистической партии. <...>

В Кремле нас долго водили по длинным коридорам, пока мы не добрались до комнаты, у дверей которой стоял караульный. Это была приемная комната перед кабинетом Ленина. Нас пустили, попросив обождать несколько минут.

Ильич поднялся нам навстречу, выйдя из-за своего письменного стола, непринужденно протягивая каждому из нас руку. С каким-то особенным чувством пожал я руку Ильича, опасаясь в то же время причинить ему хоть малейшую боль, думая о недавно перенесенной им тяжелой ране.

Пока в волнении переминались наши «вожаки», которые должны были начать разговор с Ильичом о цели нашего посещения, Ленин стал сам задавать нам вопросы. Не помню кто – Цетлин или Шацкий – сказал ему о том, что съезд постановил назвать наш союз коммунистическим. Ленин со своей хитрой и обаятельной улыбкой в ответ на это заметил: «Не в названии дело». <...>

К концу беседы с нами, длившейся около 10–15 минут, Ленин предложил нам пользоваться в любое время его помощью и его библиотекой, в которой мы сможем найти, как он сказал, книги и, главное, журналы юношеского революционного движения на Западе, в особенности издания швейцарского и германского союза молодежи.

Затем Ильич присел за свой письменный стол и на отрывном листочке из блокнота черкнул несколько слов тов. Свердлову с просьбой оказать нам «наивозможное» материальное содействие из средств партии. Эта записочка Ленина принесла нашему Центральному комитету десять тысяч рублей, которые были на первых порах достаточной суммой для союза.

Мы простились с Ильичом так же просто, душевно, ободренные им, чувствуя, что комсомол встретил в нем чуткого друга и надежного опытного советчика.

Принимали в комсомол далеко не каждого, как свидетельствует очерк корреспондента журнала «Смена» И. Коцюрубы.

Жмеринка... В клубе им. Томского собрание коммунистической молодежи. Секретарь райкома оглашает список товарищей, желающих вступить в комсомол.

В зале шум и движение. Наспех пишутся новые коллективные заявления. Сцена быстро заполняется кандидатами.

Засаленные куртки, закопченные полушубки, серые свитки... А среди них – выделяется синее мантио с серьгами, черная шляпка и бобровый воротничок... Начинается персональный опрос.

– Тов. Гуляева, – вызывает председатель.

Выступает 15-тилетняя девушка. Была в «Спартаке» (пионерская организация – *Ред.*); это видно из ее спокойных и уверенных движений и ясного взгляда, в которых написана вера в силы, в молодой, могучий коллектив. <...>

– «Дочь рабочего-слесаря депо – коммуниста, посещает собрания ячейки клуба...

Поручили работу – исполняет».

– Есть возражения? Кто за?

Лес рук.

Приняли кандидатом.

– Стасевич.

Худенькое бледное лицо. Взгляд – игла острая, пронизывающая. Голос твердый и уверенный, как сталь. <...>

– «Портной... работает у хозяев, член профсоюза, отец – рабочий...»

– Сколько лет?

– Шестнадцать.

– Ваш производственный стаж?

– Три года.

В зале шум одобрения.

– А что, если за комсомол вас выгонят с работы?

– Перейду на свое иждивение, – твердо заявляет игольный взгляд.

Сзади неуверенно выглядывают шляпки, завитые прически...

Ведь принимается-то «рабочая молодежь от станка».

Вот подвигается к столу полушубок и большая папаха.

– Рабочий?

– Не-е-ет... Учащийся...

Опять шум.

– Больше организованности, – призывает председатель.

Да тут она и есть, организованность эта. Небось, не легко проходят...

А у стола продолжают следовать полушубки, свитки, куртки и т. д. и т. д.

– Курузяк.

– Четыре года работаю в пекарне, член профсоюза...

– А отец?

– Крестьянин.

– Земли сколько?

– Меньше полдесятины на 7 душ.

Прием подходит к концу.

Перебрали основательно: из 43 приняли всего 13. Зато все как на подбор...

Вот они стоят все спокойные, уверенные в себе, как у станка.

Взгляд – резец, твердый, режущий, уверенный. И у каждого в глазах загорается новый день комсомолиады.

Если комсомол считался ближайшим резервом партии, то ближайшим резервом комсомола была пионерская организация, созданная в мае 1922 года. Первоначально она носила имя Спартака, а в 1924 году ей было присвоено имя В. И. Ленина.

В «Песне пионеров Советского Союза» (автор Сергей Михалков) пелось:

Мы юные ленинцы! Нас миллионы

Веселых и дружных ребят!
Слова золотые на наших знаменах
Заветным призывом звучат.
Готовься в дорогу на долгие годы,
Бери с коммунистов пример,
Работай, учись и живи для народа,
Советской страны пионер!

Публицист В. Зорин писал о занятиях пионеров:

Сейчас мы не имеем ни одной губернии в СССР, где бы не было ребят в красных галстуках, где бы не раздавалась дробь пионерских барабанов, не звенела бы бодрая пионерская песнь. Даже на далекой Камчатке за несколько сотен верст от железной дороги мы имеем отряды юных пионеров, которые работают, готовят смену комсомолу. Однако все еще мы имеем в городе на каждые 100 детей только 15 пионеров, а в деревне только 2 пионеров.

Организация юных пионеров для детей это то же, что комсомол для молодежи. Это не учреждение, как школа, детдом – для детей, это боевая политическая организация самих детей под руководством комсомола и партии.

Вот почему отряды юных пионеров организуются по фабрикам и заводам – в городе, по избам-читальням при ячейках комсомола в деревне, то есть там, где бьет ключом политическая жизнь, где ребята могут приложить свои детские силы в великой строительной работе трудящихся.

Отсюда вытекает вся сущность работы юных пионеров.

Эта работа делится на 2 большие области: внутреннюю работу в клубе пионеров и внешнюю работу вокруг своего предприятия, в семье, на улице и в школе. <...>

«Все наши звенья поставлены на общественную работу, – пишут пионеры одного из отрядов. – Одно наше звено “Красный Текстильщик” изучает свое производство и вместе с этим ведет работу в красном уголке на фабрике. Ребята выпускают ежедневно газету с важнейшими известиями, помогают рабочему клубу в технической работе в уголке, в обеденный перерыв иногда устраивают живую газету. Другое звено поставлено на работу в нашем доме-коммуне. Ребята два раза в неделю собирают всех неорганизованных ребят, играют с ними, проводят беседы, поют песни. Недавно наши ребята наладили паяльную мастерскую и стали починять посуду всем хозяйкам в доме-коммуне». <...>

Пионеры в семье часто терпят всякие гонения, но мало-помалу, исподволь, своей незаметной работой ведут медленный подкоп под самую консервативную твердыню всех гнусностей старого режима. Так, например, один пионер вынужден был залезть под кровать, чтобы избежать окропления «святой водой» под Пасху. Несмотря ни на какие угрозы родителей, он не вылез до тех пор, пока поп не ушел из квартиры. Однако во многих семьях уже в квартире пионера заметны проблески нового революционного духа. Так, рядом или вместо Николая Угодника в углу устроен пионерский уголок с революционными лозунгами, портретом Ильича, пионерскими законами и обычаями.

Сплошь и рядом увидишь пионера, который учит грамоте свою неграмотную мать, играет с младшими ребятами, втягивает родных в рабочий клуб, на лекцию, вечер, на демонстрацию. <...>

Не оставляют без своего внимания пионеры и детей на улице, и здесь они организуют этих безнадзорных и беспризорных ребят, втягивают их на детские пионерские площадки, работают с ними во дворах, втягивают путем индивидуальной обработки в пионерорганизацию. <...>

Всей работой в отряде заправляет вожатый. От того, какого парня или девушку выделит ячейка на работу в отряде, будет зависеть и то, как этот отряд будет работать. Между тем с этим

делом не все благополучно... Вот почему сейчас комсомол основное внимание уделяет подготовке новых работников, помощи старым. Вот почему вся рабочая молодежь должна подойти ближе к своим младшим братьям в красных галстуках, помочь им встать на ноги, поставить их в ряды борцов за коммунизм, к чему они сами так страстно стремятся.

В 1923–1924 годах в стране стали возникать «низовые», младшие дружины – октябрята. Термин возник в связи с тем, что поначалу в эти группы принимали детей – ровесников октябрьской революции.

Гражданская война: начало, 1918–1919 годы

Антон Деникин, Семен Буденный

Подписанием Брестского мира война для России не закончилась. Бывшие союзники (страны Антанты) расценили Брестское соглашение как предательство общих интересов и высадили на севере и востоке Советского государства свои экспедиционные корпуса, которые поддержала значительная часть населения. Покончив с войной «империалистической», страна оказалась втянута в войну гражданскую.

Второго сентября 1918 года был опубликован указ ВЦИК «О превращении Советской республики в военный лагерь»: «Советская республика превращается в военный лагерь. Во главе всех фронтов и всех военных учреждений Республики ставится Революционный военный совет с одним главнокомандующим. Все силы и средства Социалистической республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников. Все граждане, независимо от занятий и возраста, должны беспрекословно выполнять те обязанности по обороне страны, какие будут на них возложены Советской властью». Населению «вменялось в обязанность оказывать всемерное содействие» образованной в январе того же года Рабочей и Крестьянской Красной Армии – РККА.

Издание декрета было вызвано сложившейся обстановкой – в Архангельске и Мурманске высадился английский десант, который поддерживали местные противники большевиков; на Транссибирской магистрали восстал Чехословацкий корпус (пленные чехи и словаки, которых еще царское правительство собиралось отправить на Западный фронт – воевать с немцами); в Сибири Народная армия под командованием В. О. Каппеля овладела обширной территорией и захватила в Казани часть золотого запаса Российской империи; во Владивостоке высаживались американцы и японцы, а сибирские казаки заняли Читту, Благовещенск и Хабаровск. В итоге к началу сентября 1918 года Советскую власть ликвидировали на территории от Урала до побережья Охотского моря.

На юге казачье восстание привело к освобождению от большевиков Донской области, где начали формироваться Донская армия и Добровольческая армия. Одним из командиров Добрармии был генерал-лейтенант А. И. Деникин, оставивший воспоминания о том, как начиналось белое движение.

Донская политика лишила зарождающуюся армию... весьма существенного организационного фактора... Кто знает офицерскую психологию, тому понятно значение приказа. Генералы Алексеев и Корнилов при других условиях могли бы отдать приказ о сборе на Дону всех офицеров русской армии. Такой приказ был бы юридически оспорим, но морально обязателен для огромного большинства офицерства, послужив побуждающим началом для многих слабых духом. Вместо этого распространялись анонимные воззвания и «проспекты» Добровольческой армии. Правда, во второй половине декабря в печати, выходившей на территории советской России, появились довольно точные сведения об армии и ее вождях. Но не было властного приказа, и ослабевшее нравственно офицерство шло уже на сделки с собственной совестью. Пробирались в армию сотни, а десятки тысяч, в силу многообразных обстоятельств, в том числе главным образом тяжелого семейного положения и слабости характера, выжидали, переходили к мирным занятиям, преображались в штатских людей или шли покорно на перепись к большевистским комиссарам, на пытку в чрезвычайке, позднее на службу в Красную армию. Часть офицерства оставалась еще на фронте, где офицерское звание было упразднено и где Крыленко доканчивал «демократизацию», проходившую, по словам его доклада Совету народных комиссаров, «безболезненно, если не считать того, что в целом ряде частей стрелялись офицеры, которых назначали на должность кашеваров»... Другая часть расплылась. Важ-

нейшие центры – Петроград, Москва, Киев, Одесса, Минеральные воды, Владикавказ, Тифлис – были забиты офицерами. Пути на Дон были, конечно, очень затруднены, но твердую волю настоящего русского офицера не остановили бы никакие кордоны. Невозможность производства мобилизации даже на Дону привела к таким поразительным результатам: напор большевиков сдерживали несколько сот офицеров и детей – юнкеров, гимназистов, кадет, а панели и кафе Ростова и Новочеркасска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступавшими в армию. После взятия Ростова большевиками советский комендант Калюжный жаловался в совете рабочих депутатов на страшное обременение работой: тысячи офицеров являлись к нему в управление с заявлениями, «что они не были в Добровольческой армии»... Также было и в Новочеркасске. Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонилось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую армию единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества. <...>

Цели, преследуемые Добровольческой армией, впервые были обнародованы в воззвании, исходившем из штаба, 27 декабря.<...>

В силу создавшихся условий комплектования, армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретая характер классовый. Нет нужды, что руководители ее вышли из народа, что офицерство в массе своей было демократично, что все движение было чуждо социальным элементам борьбы, что официальный символ веры армии носил все признаки государственности, демократичности и доброжелательства к местным областным образованиям... Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противопоставлять ее цели народным интересам.

Было ясно, что при таких условиях Добровольческая армия выполнить своей задачи в общероссийском масштабе не может. Но оставалась надежда, что она в состоянии будет сдерживать напор неорганизованного пока еще большевизма и тем даст время окрепнуть здоровой общественности и народному самосознанию, что ее крепкое ядро со временем соединит вокруг себя пока еще инертные или даже враждебные народные силы.

Лично для меня было и осталось непререкаемым одно весьма важное положение, вытекавшее из психологии октябрьского переворота: если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, – это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока.

К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу.

Формирование армии вначале носило поневоле случайный характер, определяясь зачастую индивидуальными особенностями тех лиц, которые брались за это дело... Все эти полки, батальоны, дивизионы были по существу только кадрами, и общая боевая численность всей армии вряд ли превосходила 3–4 тысячи человек, временами, в период тяжелых ростовских боев, падая до совершенно ничтожных размеров. Армия обеспеченной базы не получила. Приходилось одновременно и формироваться, и драться, неся большие потери и иногда разрушая только что сколоченную с большими усилиями часть.

Около штаба кружились авантюристы, предлагавшие формировать партизанские отряды. Генерал Корнилов слишком доверчиво относился к подобным людям и зачастую, получив деньги и оружие, они или исчезали, или отвлекали из рядов армии в тыл элементы послабее нравственно, или составляли шайки мародеров. Особенную известность получил отряд сотника Грекова – «Белого дьявола» – как он сам себя именовал, который в течение двух, трех недель разбойничал в окрестностях Ростова, пока, наконец, отряд не расформировали. Сам

Греков где-то скрывался и только осенью 1918 года был обнаружен в Херсоне или Николаеве, где вновь по поручению городского самоуправления собрал отряд, прикрываясь добровольческим именем. Позднее был пойман в Крыму и послан на Дон в руки правосудия. Какой-то туземец вербовал персов, набирая их, как оказалось, среди подонков ростовских ночлежных домов... Все эти импровизации вносили расстройство в организацию армии и придавали несвойственный ей скверный налет. К счастью, вскоре этому был положен предел. Назревала мистификация и в более широком масштабе: из Екатеринодара приехал некто – Девлет хан Гирей, с предложением «поднять черкесский народ», для чего потребовался аванс в 750 тысяч рублей и до 9 тысяч ружей. Только пустая армейская казна остановила этот странный опыт, так неудачно повторенный впоследствии.

Армия пополнялась на добровольческих началах, причем каждый доброволец давал подписку прослужить четыре месяца и обещал беспрекословное повиновение командованию. Состояние казны давало возможность оплачивать добровольцев до крайности нищенскими окладами... В офицерских батальонах, отчасти и батареях, офицеры несли службу рядовых, в условиях крайней материальной необеспеченности. В донских войсковых складах хранились огромные запасы, но мы не могли получить оттуда ничего иначе, как путем кражи или подкупа. И войска испытывали острую нужду решительно во всем: не хватало вооружения и боевых припасов, не было обоза, кухонь, теплых вещей, сапог... И не было достаточно денег, чтобы удовлетворить казачьи комитеты, распродававшие на сторону все, до совести включительно. <...>

Сколько мужества, терпения и веры в свое дело должны были иметь те «безумцы», которые шли в армию, невзирая на все тяжкие условия ее зарождения и существования!

Отличительным знаком новой армии был нашиваемый на рукав угол из лент национальных цветов.

Я был назначен начальником «Добровольческой дивизии», в состав которой входили все наши формирования, так что в сущности возникало двоевластие, устраненное впоследствии, в начале февраля. Хозяйственных функций у меня не было никаких...

Добровольческая армия чтит память многих первых своих командиров: Неженцев – влюбленный в Корнилова и в его идею до самопожертвования, пронесший ее нерушимо сквозь тысячи преград, бесстрашный, живший полком и для полка и сраженный пулей в минуту вдохновенного порыва, увлекая поколебавшиеся ряды корниловцев в атаку... Миончинский – этот виртуоз артиллерийского боя, живший, горевший и священнодействовавший в музыке смертоносного огня... Тимановский – весь израненный – в Кубанских походах ходивший в атаку также спокойно, с величайшим презрением к смерти, как и в дни Луцкого прорыва в рядах «железной дивизии»... «Наш» Марков... И много других, уже павших или уцелевших, которые с первых дней армии добросовестно и бескорыстно отдали ей свои силы и жизнь. <...>

Много уже написано, еще больше напишут о духовном облике Добровольческой армии. Те, кто видел в ней осиянный страданием и мученичеством подвиг – правы. И те, кто видел грязь, пятнавшую чистое знамя, во многих случаях искренни. Весь вопрос в правильном синтезе ряда сложных явлений в жизни армии – явлений, рожденных войной и революцией. Так, каждый в отдельности офицер, выведенный в купринском «Поединке», – живой человек, но такого собрания офицеров такого полка в русской армии не было.

В нашу своеобразную Запорожскую сечь шли все, кто действительно сочувствовал идее борьбы и был в состоянии вынести ее тяготы. Шли и хорошие, и плохие. Но четыре года войны и кошмар революции не прошли бесследно. Они обнажили людей от внешних культурных покровов и довели до высокого напряжения все их сильные и все их низменные стороны. Было бы лицемерием со стороны общества, испытывавшего небывалое моральное падение, требовать от добровольцев аскетизма и высших добродетелей. Был подвиг, была и грязь. Героизм и жестокость. Сострадание и ненависть. Социальная терпимость и инстинкт классовой розни. Пер-

вые явления возносили, со вторыми боролись. Но вторые не были отнюдь преобладающими: история отметит тот важный для познания русской народной души факт, как на почве кровавых извращений революции, обывательской тины и интеллигентского маразма могло вырасти такое положительное явление, как добровольчество, при всех его теневых сторонах сохранившее героический образ и национальную идею.

Добровольцы были чужды политики, верны идее спасения страны, храбры в боях и преданы Корнилову. Впереди их ждало увечье, скитание, многих – смерть; победа представлялась тогда в далеком будущем. Они дрались на подступах к Ростову, зная, что сотни тысяч казаков и ростовской буржуазии за их спиной живут легко и привольно. Они были оборванцы, мерзли и голодали, видя, как беснуется и веселится богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом «пожертвовала» на армию два миллиона рублей, растворившихся быстро в бездонной ее нужде. Они встречали в обществе равнодушие, в народе вражду, в резолюциях революционных учреждений и социалистической печати злобу, клевету и поношение. Одиночные добровольцы, случайно попадавшие в Темерник – рабочие кварталы Ростова, – часто не возвращались... Гражданская война довершила тот психологический процесс, который только наметила война на фронте.

Вскоре стало известным, что большевики убивают всех добровольцев, захваченных ими, предавая перед этим бесчеловечным мучениям. Сомнений в этом не было. Не раз на местах, переходивших из рук в руки, добровольцы находили изуродованные трупы своих соратников, слышали леденящую душу повесть свидетелей этих убийств, спасшихся чудом из рук большевиков. Помню, какую жутью повеяло на меня, когда первый раз привезли восемь замученных добровольцев из Батайска – изрубленных, исколотых, с обезображенными лицами, в которых подавленные горем близкие едва могли различить родные черты... Поздно вечером где-то далеко на заднем дворе товарной станции, среди массы составов я нашел вагон с трупами, загнанный туда по распоряжению ростовских властей, «чтобы не вызвать эксцессов». И когда при тусклом мерцании восковых свечек священник, робко озираясь, возглашал «вечную память убиенным», сердце сжималось от боли, и не было прощения мучителям. <...>

Среди кровавого тумана калечились души молодых жизнерадостных и чистых сердцем юношей. Однажды в Ростове, в Парамоновском доме, до слуха моего долетел веселый разговор. Рассказывал о чем-то молодой подпоручик, почти мальчик, 17 лет. Я поинтересовался, в чем дело. Оказывается, шел он по улице, как обычно, с винтовкой через плечо. Наткнулся на облаву, устроенную милиционерами на бандитов, принял участие и одного бандита убил выстрелом.

– Вскинул ружье, бац – прямо в глаз, так и свалился, не пикнув!

И он сопровождал рассказ веселым смехом. Я обрушился на него:

– Стыдитесь вы! Неужели вы не понимаете всего цинизма вашего смеха? Если судьба привела убить человека, так разве можно этому радоваться?

По мере того как я говорил, лицо у подпоручика сводило сильной судорогой, глаза наполнились слезами, и он опустился беспомощно на стул. Мне рассказали потом его историю. Большевики убили его отца, дряхлого отставного генерала, мать, сестру и мужа сестры – полного инвалида последней войны. Сам подпоручик, будучи юнкером, принимал участие в октябрьские дни в боях на улицах Петрограда, был схвачен, жестоко избит, получил сильные повреждения черепа и с трудом спасся.

И много было таких людей, исковерканных, изломанных жизнью, потерявших близких или оставивших семью без куска хлеба там, где-то далеко – на произвол будущего красного безумия. Не они создавали основной облик армии, но их психология должна быть учтена теми, в особенности, кто на крестном пути добровольцев склонен видеть только мрачные тени.

Большевики с самого начала определили характер гражданской войны:

Истребление.

Советская опричнина убивала и мучила всех не столько в силу звериного ожесточения, непосредственно появлявшегося во время боя, сколько под влиянием направляющей сверху руки, возводившей террор в систему и видевшей в нем единственное средство сохранить свое существование и власть над страной. Террор у них не прятался стыдливо за «стихию», «народный гнев» и прочие безответственные элементы психологии масс – он шествовал нагло и беззастенчиво. Представитель красных войск Сиверса, наступавших на Ростов, Волынский, явившись на третий день после взятия города в совет рабочих депутатов, не оправдывался, когда из меньшевистского лагеря послышалось слово – «убийцы». Он сказал:

– Каких бы жертв это ни стоило нам, мы совершим свое дело, и каждый, с оружием в руках восставший против советской власти, не будет оставлен в живых. Нас обвиняют в жестокости, и эти обвинения справедливы. Но обвиняющие забывают, что гражданская война – война особая. В битвах народов сражаются люди – братья, одураченные господствующими классами; в гражданской же войне идет бой между подлинными врагами. Вот почему эта война не знает пощады, и мы беспощадны.

Выбора в средствах противодействия при такой системе ведения войны не было. В той обстановке, в которой действовала Добровольческая армия, находившаяся почти всегда в тактическом окружении – без своей территории, без тыла, без баз, представлялись только два выхода: отпускать на волю захваченных большевиков или «не брать пленных». Я читал где-то, что приказ в последнем духе отдал Корнилов. Это не верно: без всяких приказов жизнь приводила во многих случаях к тому ужасному способу войны «на истребление», который до известной степени напомнил мрачные страницы русской пугачевщины и французской Вандеи. <...> Когда во время боев у Ростова от поезда оторвалось несколько вагонов с ранеными добровольцами и сестрами милосердия и покатило под откос в сторону большевистской позиции, многие из них, в припадке безумного отчаяния, кончали самоубийством. Они знали, что ждет их. Корнилов же приказывал ставить караулы к захваченным большевистским лазаретам. Милосердие к раненым – вот все, что мог внушать он в ту грозную пору. Только много времени спустя, когда советское правительство, кроме своей прежней опричнины, привлекло к борьбе путем насильственной мобилизации подлинный народ, организовав Красную армию, когда Добровольческая армия стала приобретать формы государственного учреждения с известной территорией и гражданской властью, удалось помалу установить более гуманные и человеческие обычаи, поскольку это, вообще, возможно в развращенной атмосфере гражданской войны.

Она калечила жестоко не только тело, но и душу.

Доблести сопутствовал известный успех, и был даже отдан приказ о наступлении на Москву. Удалось взять Воронеж и Орел, правительственные учреждения в Москве готовились к эвакуации в Вологду. Однако в середине октября 1919 года Красная Армия перешла в контрнаступление, в котором заметную роль сыграл Конный корпус под командованием С. М. Буденного. «Первый красный командир», как пелось в советской песне, вспоминал о походе корпуса:

Уже бои в районе Хомутовской и Камышевахи и под Великокняжеской показали нам, что Добровольческая армия Деникина закончила свое формирование и перешла в наступление.

Деникин особенно форсировал наступление своей армии против 8-й и 9-й Красных армий, в тылах которых действовали мятежники. Он бросил против них конные корпуса генералов Шкуро и Науменко, пехотные корпуса генералов Май-Маевского, Кутепова и Слащева, а также ряд отдельных пехотных дивизий.

Положение 8-й и 9-й Красных армий стало чрезвычайно тяжелым. С фронта наступали хорошо вооруженные части деникинцев, а в тылу действовали донские мятежники. <...>

15 мая Конный корпус возвращался в станицу Орловскую. Весна была в разгаре. Вокруг простиралась необозримая степь, усыпанная цветущими тюльпанами. Бойцы восхищались густой, сочной травой – сколько корма для лошадей, сколько сена можно было бы накопить! И тяжело вздыхали, осматривая своих сильно похудевших коней. Я очень хорошо понимал их, знал, как они близко к сердцу принимают заботу о лошади. Уже около месяца в корпусе не было ни сена, ни соломы. Непрерывные бои и большие форсированные переходы не позволяли выгонять лошадей на выпасы. Правда, зернофуража было достаточно, но для лошади без сена или свежей травы все равно, что для человека без горячей пищи. Кони сдали в телах, и это тревожило бойцов... Наш боец так заботился о своем коне не только потому, что он любил его, но и потому, что он хотел во всем превосходить противника, и прежде всего в таком оружии кавалерии, как конь. Благодаря отличному состоянию лошадей мы могли совершать стремительные броски, форсированные переходы на большие расстояния и появляться там, где белые нас не ожидали, внезапно нападать, стремительно преследовать противника и быстро отрываться от него в случае неудачного для нас исхода боя. <...>

Это был первый день, когда наши дивизии собрались в одном месте. Позади были дни и ночи упорных боев и напряженных переходов. Люди и лошади утомились. Чтобы дать корпусу хотя бы небольшой отдых, мною было приказано сделать привал и выставить сторожевое охранение. В один миг бойцы расседлали лошадей, спутали их и пустили пастись. Не прошло и десяти минут, как весь корпус погрузился в крепкий сон. Широко по степи до видневшихся вдаль высот раскинулись спящие полки. Высокая трава укрывала отдыхающих бойцов. Гулко разносился их храп, заглушающий монотонное стрекотание кузнечиков. Казалось, ничто не сможет нарушить этот сон людей.

Зрелище было необыкновенное. Я стоял и любовался им. Вот они, богатыри, защитники Советской власти. Корпус представлялся мне многоликим Антеем, набиравшим силы от родной матери-земли.

Однако и меня усталость клонила ко сну. Разостлав шинель под бричкой, на которой мирно спали ординарцы и трубач, я моментально уснул. Но спать пришлось очень немного. Сквозь сон я почувствовал, как кто-то толкнул меня в ногу. Открыв глаза, я увидел командующего армией Егорова.

– Прошу прощения, – шутливо сказал он, – что нарушил твой светлый сон. Ничего не сделаешь, уж такая у меня обязанность: не давать покоя даже тем, кто его законно заслуживает... Сколько, Семен Михайлович, нужно времени, чтобы собрать и построить корпус? – И, не дожидаясь ответа, он продолжал: – Противник сегодня форсировал реку Сал в районе хутора Плетнева, пытается переправиться на правый берег крупными силами. Надо во что бы то ни стало сорвать переправу белых и уничтожить их переправившиеся части.

Я доложил командующему, что корпус будет построен в течение двадцати минут, и приказал трубачу трубить тревогу.

По сигналу трубача корпус пришел в движение, как растревоженный муравейник. Мы с командующим стояли и наблюдали, как одиночные всадники быстро группировались в отделения, отделения во взводы, взводы в эскадроны, эскадроны в полки. Не прошло и двадцати минут, как начальник штаба корпуса доложил, что корпус построен.

– Вот это дисциплина! – сказал Егоров и попросил меня распорядиться приготовить для него хорошую верховую лошадь. <...>

К А. И. Егорову я относился с большим уважением. Я видел в нем крупного военного специалиста, преданного революционному народу, честно отдающего ему свои знания и опыт. Мне нравилось, что он держится скромно, не щеголяя своей образованностью, как это нередко делали бывшие офицеры. Особенно меня подкупала его смелость в бою, то, что он, командующий армией, когда это необходимо, ходил в атаку вместе с красноармейцами. <...>

С каждым днем атаки белогвардейцев становились упорнее. Противник все подтягивал и подтягивал новые силы. А я не мог перебросить на этот участок значительных подкреплений, не рискуя оставить без надежного прикрытия железную дорогу.

Назревала угроза прорыва обороны корпуса на этом участке. Во избежание прорыва белых в тыл наших частей было принято решение в ночь на 3 июня вывести корпус из боя и занять оборону на более выгодном рубеже – по правому берегу реки Аксай-Курмоярский, от станицы Верхне-Курмоярская до хутора Дарганов.

На этом рубеже обороны корпус в течение пяти суток вел упорные бои с противником. Несмотря на большие потери, белогвардейцы настойчиво атаковали, вводя в бой на правом фланге нашей обороны конные корпуса генералов Покровского, Шатилова и Улагая. Сюда же спешно подтягивались и пластунские (пехотные) соединения, находившиеся в оперативном подчинении генерала Врангеля.

7 июня белые повели особо энергичное наступление, рассчитывая превосходящими силами пехоты и кавалерии сломить сопротивление корпуса. На участке 6-й дивизии весь день не смолкала ружейно-пулеметная стрельба и артиллерийская канонада. Жаркие схватки в конном и пешем строю следовали одна за другой. 6-я дивизия и часть 4-й дивизии ни на минуту не прекращали боя. Мужественно сражались в обороне красные кавалеристы. Содействовали успеху нашей обороны и исключительно удачное расположение позиций, а также мощностъ огневых средств корпуса. Артиллеристы и пулеметчики умело использовали для ведения огня занимаемые ими позиции.

К концу дня, не добившись успеха на участке 6-й дивизии, противник прекратил атаки. <...>

К вечеру 8 июня корпус вышел за оборонительные позиции 10-й армии и сосредоточился в районе Громославка, Ивановка, Абганерово. В течение двух дней части корпуса отдыхали и приводили себя в порядок, пополнялись боеприпасами, сдавали пленных и лишнее трофейное имущество.

Стрелковые части 10-й армии под прикрытием нашего корпуса хорошо подготовили в инженерном отношении первую линию обороны, проходившую по правым берегам рек Аксай-Есауловский и Гнилой Аксай от станицы Потемкинской до Мал. Дербенты. Готовилась и вторая линия обороны по реке Мышковка и далее на восток – Капкинский, станция Абганерово, Плодовитое, Райгород. На обоих рубежах местность позволяла выгодно расположить огневые позиции пулеметов, артиллерии и обеспечивала широкий обстрел перед фронтом обороны и на ее флангах. Кроме того, оборона 10-й армии на этих рубежах лишала противника возможности широкого маневра конницей на флангах, так как правый фланг нашей армии упирался в Дон, а левый фланг далеко уходил в почти безжизненные солончаковые степи, где не было населенных пунктов и важнейшего для конницы – хорошей питьевой воды.

Лишенный широкого маневра на флангах, противник вынужден был бы прорывать оборону 10-й армии с фронта. Но для прорыва обороны необходима пехота, которой у белых было недостаточно. Следовательно, противнику пришлось бы спешивать кавалерию, а казацкие конные части, как известно, шли на это неохотно и в пешем строю дрались плохо.

Таким образом, у 10-й армии были все условия для того, чтобы остановить наступление противника. Наличие в резерве армии Конного корпуса еще более укрепляло оборону. Корпус всегда мог быть использован на самых угрожаемых участках для контратаки и удара по флангам и тылам противника. Следовало полагать, что стрелковые соединения 10-й Красной армии прекратят наконец отход без выстрела, встретят противника упорной обороной и создадут условия для перехода армии в наступление. <...>

Мы начали поиски новых форм и тактических приемов борьбы с врагом. Дивизии заняли оборону на основных направлениях движения противника с таким расчетом, чтобы обеспечивалось постоянное взаимодействие между ними в интересах выполнения задачи корпуса. С

таким же расчетом располагались и полки в полосе дивизии. Это взаимодействие уже в первые дни полностью оправдало себя и явилось началом рождения так называемой «тактики идти на выстрел», сущность которой заключалась в том, что все командиры, начиная от командира взвода, взяли себе за правило идти на помощь соседу по первому выстрелу, не дожидаясь указаний свыше. Благодаря этому мы всегда могли быстро сосредоточивать необходимые силы на угрожаемых участках и наносить эффективные внезапные удары по противнику с флангов и тыла.

Другой формой борьбы являлось ночное, заранее подготовленное нападение на отдельные части и подразделения противника, расположенные в населенных пунктах. Разведывательные органы устанавливали место расположения белых, а также систему их сторожевого охранения, и в намеченную ночь полк или бригада внезапно налетали на противника, громили его части, штабы и тылы, а к рассвету возвращались на занимаемые позиции.

Новым и неожиданным для противника явились и действия частей и соединений корпуса непосредственно за своими разведывательными подразделениями или действия полков и даже бригад в качестве разведывательных органов. Разведка белых действовала обычно мелкими подразделениями и на большом удалении от главных сил. Это позволяло нам, действуя крупными силами, уничтожать разведку противника или же на ее плечах неожиданно врываться в расположение белогвардейцев. <...>

Уже первые бои с белыми показали, что противник, концентрируя артиллерию в одном месте, зачастую оставляет ее без надежного прикрытия. Мы учли это и стали наносить удары по артиллерии противника, рассчитанные на ее захват, и одновременно усилили охрану своей артиллерии пулеметами. В результате почти во всех боях противник терял свою артиллерию.

В то время как белые вели наступление днем, а ночью отдыхали, мы, добиваясь внезапности и стремительности нападения с флангов и тыла, часто использовали для этой цели ночь. Белым это, конечно, не нравилось, они вели боевые действия на основе положений, выработанных еще в девятнадцатом веке, и возмущались, что мы нарушаем законы войны, действуем по-партизански. <...>

Когда наши ночные налеты вынудили противника не спать ночью, мы начали производить налеты не только ночью, но и днем. Это привело к тому, что белогвардейцы оказались окончательно сбитыми с толку.

Придерживаясь устава, «яко слепой стенки», белогвардейское командование во всех случаях, когда мы действовали не по уставу, теряло самообладание и способность принять ответные меры. Иной раз самые простые, подсказанные обстановкой и здравым смыслом действия ставили его в тупик. В этом, пожалуй, не было ничего удивительного: сказывалась выучка у иностранцев, засилие которых в старой русской армии общеизвестно. Конечно, огромное значение имело и то, что офицерскому составу белогвардейских войск, находившемуся в плену окостеневших представлений о войне, чуждому солдатской массе, у нас противостояли командиры из народа, рожденные революцией, воспитанные большевистской партией, учившиеся искусству войны на поле боя у самой жизни, видевшие перед собой благородные цели борьбы, люди поразительной отваги и смелой инициативы. Своей выдумкой, дерзкой военной хитростью они сбивали противника с толку, сеяли в его рядах растерянность и панику. Таковы были Городовиков, Морозов, Литунов, Тимошенко, Апанасенко, Мирошниченко, Пивнев, Баранников, Кузнецов, Мироненко, Усенко, Вербин, Алаухов, Стрепухов, Гончаров и десятки других славных героев красной кавалерии и творцов ее тактики.

Пленные офицеры показывали, что Деникин огорчен неспособностью своих генералов – Врангеля, Покровского, Шатилова, Улагая организовать решительное наступление против 10-й армии и тем, что они пасуют перед дерзостью красных кавалеристов. Пленные говорили, что их генералы бросают каждый раз жребий, кому первому наступать на наш Конный корпус.

Не знаю, действительно ли они бросали жребий, но одно несомненно – белые наступали нерешительно, и если бы 10-я армия осталась на занимаемом рубеже обороны, противник, по моему убеждению, никогда бы не сумел взять Царицын. <...>

С удовлетворением могу сказать, что Конный корпус не поддавался влияниям белогвардейской агитации и не терял веру в победу. И в этом огромную роль сыграла та неоценимая работа, которую проводил наш дружный коллектив политработников, возглавляемый сначала Кузнецовым, а после его ранения бывшим паровозным машинистом, потомственным пролетарием А. А. Кивгелой, очень чутко разбиравшимся в людях и умевшим организовать политическую работу. Конечно, и в части Конного корпуса проникали распускаемые врагами слухи, но они сейчас же разбивались веским большевистским словом наших политработников. Высоко поставили достоинство наших комиссаров такие люди, как Бахтуров, Детистов, Берлов и многие другие политработники, крепившие революционное сознание, организованность, дисциплину и порядок в Конном корпусе, а впоследствии и в Первой Конной армии.

Весной 1920 года белый фронт развалился, и части РККА под командованием М. Н. Тухачевского и П. И. Уборевича вынудили остатки Добрармии отступить в Крым. В апреле А. И. Деникин на английском линкоре «Император Индии» отбыл в Англию, передав командование частями барону П. Н. Врангелю.

**«Красные, зеленые, золотопогонные»:
революционный террор, 1918–1922 годы
Владимир Бонч-Бруевич, Алексей
Чумаков, Галина Кузьменко, сводки ОГПУ**

Новой власти приходилось вести боевые действия не только на фронте, но и в тылу: «гидра контрреволюции», излюбленный образ коммунистической пропаганды, существовала в действительности и по мере сил старалась досадить большевикам – в ход шли любые средства, от тихого саботажа до диверсий и убийств. А новая власть при малейших подозрениях бралась за «карающий меч»; после же покушения на В. И. Ленина в Москве и убийства в Петрограде председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого в августе 1918 года был официально объявлен «красный террор». Большевистская «Красная газета» писала: «Сотнями будем мы убивать врагов. Пусть будут это тысячи, пусть они захлебнутся в собственной крови. За кровь Ленина и Урицкого пусть прольются потоки крови – больше крови, столько, сколько возможно»; газета «Известия» утверждала: «Пролетариат ответит на поранение Ленина так, что вся буржуазия содрогнется от ужаса».

Руководитель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), главный, наряду с самим В. И. Лениным и Л. Д. Троцким, идеолог «красного террора» Ф. Э. Дзержинский говорил: «В предположении, что вековая старая ненависть революционного пролетариата против поработителей поневоле выльется в целый ряд бессистемных кровавых эпизодов, причем возбужденные элементы народного гнева сметут не только врагов, но и друзей, не только враждебные и вредные элементы, но и сильные и полезные, я стремился провести систематизацию карательного аппарата революционной власти. За все время Чрезвычайная комиссия была не что иное, как разумное направление карающей руки революционного пролетариата...»

О первых годах работы ВЧК вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, управляющий делами СНК, впоследствии – директор Музея истории религии и атеизма.

Октябрьская революция, свергнувшая дряблкое Временное правительство, победила. В красной столице был установлен строгий революционный порядок. Кадеты, остатки «октябристов», монархисты, партии, считавшие себя социалистическими: трудовики, правые эсеры, меньшевики и множество других мелких разновидностей, были воистину подавлены. Прошло некоторое время. Канули в вечность назначенные сроки «падения большевиков». Новая власть и не собиралась уходить, а постепенно крепко забирала бразды правления. Мы основательно устраивались в Смольном.

– Что это вы так хлопочете? – неоднократно язвительно спрашивали меня посещавшие нас различные оппозиционеры. – Разве вы думаете, ваша власть пришла надолго?

– На двести лет! – отвечал я убежденно.

И они – эти вчерашние «революционеры», «либералы», «радикалы», «социалисты», «народники» – со злостью отскакивали от меня, бросая взоры ненависти и негодования.

– Что, не нравится? – смеясь, спрашивали рабочие, постоянно присутствовавшие здесь.

– Им не нравится... – отвечали другие, пересмеиваясь и шутя над теми, кто еще недавно любил распинаться за интересы народа.

Но вот пришли первые сведения о саботаже чиновников, служащих. К нам поступили документы, из которых было ясно видно, что действует какая-то организация, которая, желая помешать творчеству новой власти, не щадит на это ни времени, ни средств из казенного и общественного сундука. В наших руках были распоряжения о выдаче вперед жалованья за

два, за три месяца служащим банков, министерств, городской управы и других учреждений. Было ясно, что хотят всеми мерами помешать организации новой власти, что всюду проводится саботаж. Масса сведений, стекавшихся в управление делами Совнаркома и в 75-ю комнату Смольного, где действовала первая Чрезвычайная комиссия по охране порядка и по борьбе с погромами в столице, говорила за то, что дело принимает серьезный оборот, что все совершается по плану, что все это направляет какая-то ловкая рука. <...>

В это же время все более и более стали выявляться агрессивные действия так называемых «союзников»: был совершенно ясен этот внутренний и внешний фронт врагов рабочего класса. Сама действительность, сами факты жизни заставляли действовать. Борясь с пьяными погромами, сопровождаемыми контрреволюционной антисемитской агитацией, мы наталкивались совершенно неожиданно для себя самих на все большие доказательства объединения антибольшевистских течений для намечаемых непосредственных и прямых действий. <...>

В это время Ф. Э. Дзержинский взял в свои руки бывшее петроградское градоначальство, организовал там комиссию по расследованию контрреволюционных выступлений; и к нему, как из рога изобилия, тоже посыпались всевозможные материалы, проливавшие новый свет на сосредоточивающуюся в Петрограде деятельность контрреволюционных организаций. Рабочие массы, узнававшие о различных выступлениях контрреволюционеров, сильнее всего волновались. Разгул реакции, контрреволюционная агитация в войсках – все это создавало горячую почву и выдвигало на авансцену борьбы новые способы действия...

Весь пламенея от гнева, с пылающими, чуть прищуренными глазами, прямыми и ясными словами (Дзержинский) доложил в Совнарком об истинном положении вещей, ярко и четко обрисовывая наступление контрреволюции.

– Тут не должно быть долгих разговоров. Наша революция в явной опасности. Мы слишком благодушно смотрим на то, что творится вокруг нас. Силы противников организуются. Контрреволюционеры действуют в стране, в разных местах вербуя свои отряды. Теперь враг здесь, в Петрограде, в самом сердце нашем. Мы имеем об этом неопровержимые данные, и мы должны послать на этот фронт – самый опасный и самый жестокий – решительных, твердых, преданных, на все готовых для защиты завоеваний революции товарищей. Мы должны действовать не завтра, а сегодня, сейчас. <...>

Кто помнит то время, кто имел счастье стоять тогда на передовых позициях борьбы за свободу народов, населявших наше обширнейшее государство, тот отлично знает, что провозглашение «революционной расправы» – красного террора Октябрьской революции – не явилось чем-то преждевременным, а, наоборот, явно запоздавшим. Множество контрреволюционных банд уже успело организовать и рассеяться по всей стране. На Дону в тот момент – в этой русской Вандее – уже собирались полчища донского казачества и других недовольных. Все эти обстоятельства, хорошо известные центральному правительству, не потребовали особо длительных рассуждений при утверждении положения о Всероссийской чрезвычайной комиссии при Совнарком.

Эта комиссия была организована в начале декабря 1917 года. <...>

(Дзержинский) ведя образ жизни аскета, будучи крайне молчалив, даже угрюм, он был всегда прекрасным товарищем. Он знал, что придет желанное время решительной классовой схватки, когда и его огромные духовные силы, сохранившиеся в хотя уже и изможденном теле, нужны будут тому классу, жизнью которого он жил, счастьем которого он трепетал и радовался. Твердые, как гранит, революционные ряды пролетариата – вот та среда, вот та стихия, для которой он был рожден. Вся горечь, вся ненависть рабочего класса к классам эксплуатирующих была впитана им. Совершенно не зная страха и боязни смерти, Ф. Э. Дзержинский никогда не охранял себя, ездил в открытых машинах, не имел никакой стражи у своей квартиры, совершенно свободно разъезжал по окрестностям Москвы и по всему Союзу и вел чрезвычайно простую, почти аскетическую жизнь.

Когда мне приходилось говорить ему, что следовало бы быть поосторожнее, то он как-то наивно задавал вопрос:

– Зачем? Убьют? Беда какая!.. Революция всегда сопровождается смертями... Это дело самое обыкновенное. Да и зачем так ценить себя?.. Это смешно... Мы делаем дело нашей партии, и больше ничего. <...>

И он делал все дела, возлагаемые на него партией, как честнейший, преданнейший революционер-боевик, коммунист. <...>

Редко кому известно, что Ф. Э. Дзержинский трижды вносил предложение в Совнарком об отмене смертной казни, или, как принято теперь выражаться, применения «высшей меры наказания». Всегда Совнарком радостно шел навстречу возможности заменить этот крайний метод борьбы более мягкими формами. Контрреволюционные, уголовные и белогвардейские организации понимали эти «отмены» или «смягчения» методов борьбы как проявление слабости Советского правительства, как чем-то «вынужденные», вместо того чтобы понять раз и навсегда, что обречены на поражение все попытки к выступлениям против самой народной, не на словах, а на деле самой популярной, широчайшим образом признанной народными массами власти.

О том, каким «красный террор» был в действительности, вспоминал один из арестованных, позднее покинувший страну А. В. Чумаков.

Нас не пугает уже таинственная и некогда непостижимая Смерть, ибо она стала нашей второй жизнью. Нас не волнует терпкий запах человеческой крови, ибо ее тяжелыми испарениями насыщен воздух, которым мы дышим. Нас не приводят уже в трепет бесконечные вереницы идущих на казнь, ибо мы видели последние судороги расстреливаемых на улице детей, видели горы изуродованных и окоченевших жертв террористического безумия, и сами, может быть, стояли не раз у последней черты. Террор не ушел из жизни. Но с городских площадей и окровавленных тротуаров он укрылся в мрачные подземелья чрезвычайек, чтобы там, за непроницаемыми стенами, вдали от человеческой совести, беспрепятственно творить свое черное дело. <...>

Террор не ушел из жизни. Но бесформенный и хаотический вначале, он принял мало-помалу очертания сложного карающего аппарата, с бесконечным числом инстанций и звеньев, с формальным «делопроизводством» и всеми аксессуарами «революционной юстиции», но всегда с одним и неизбежным концом – неумолимую смертью в застенке от руки профессионального палача. <...>

Этот обезличенный аппарат, пускаемый в ход привычной и не дрожащей большевистской рукой, изо дня в день бесшумно и методично расстреливает почти уже бесчувственную Россию. И чем больше число ее жертв, тем глубже зарывается он в свои подземелья. <...>

Газеты почти не печатают сообщений об ежедневных расстрелах, и самое слово «расстрел» казенные публицисты предпочитают заменять туманным и загадочным – «высшая мера наказания». И только время от времени, когда раскрыт очередной контрреволюционный заговор и коммунистическому отечеству грозит опасность, на столбцах «Известий» и «Правд» появляются длинные списки людей, раздавленных машиной террора. И тогда вздрогнувшая страна узнает имена безмолвных жертв «революционного правосудия». <...>

В течение нескольких месяцев мне приходилось видеть этих несчастных людей с остановившимися глазами, бессвязно шепчущих свое роковое:

– Высшая мера наказания.

Их привозили прямо из трибуналов, еще не успевших пережить и осмыслить страшное значение этих трех слов, и рассаживали в «строгие» одиночки вместе с такими же, как они, обреченными и ждущими своего последнего часа, смертниками.

Они механически, под диктовку других, писали бессвязные прошения о помиловании, и льготные «48 часов» тянулись для них мучительной вечностью.

Вскарабкавшись на окно или прислонившись ухом к дверному «волчку», они вслушивались в тюремную тишину, и твердые шаги надзирателей или шум въезжавшего во двор автомобиля заставлял их трепетать смертной дрожью. <...>

Одних к концу вторых суток забирали на расстрел, и они уходили из одиночек судорожно торопливые и почти невменяемые. Другим улыбалось «счастье» и в форточку двери просовывалась, наконец, спасительная бумажка о приостановке приговора. Впрочем, иногда сообщалось об этом устно каким-нибудь надзирателем, и осужденный оставался до конца неуверенным в том, что дни его хотя бы временно продлены.

Начинались мучительные и напряженные месяцы ожидания, судорожной внутренней борьбы между жизнью и смертью, без перспектив и реальных надежд, без мгновений спокойствия и отдыха.

Но ВЦИК обычно не торопился, поскольку вопрос шел о сохранении человеческой жизни. И его окончательные постановления приходили иногда через 4–6–8 месяцев. А люди за это время старели, таяли и души их медленно угасали... А потом, в какой-нибудь злополучный вечер, оказывалось, что смертный приговор ВЦИК'ом утвержден, и обреченный уходил навсегда «с вещами по городу», не умея объяснить, зачем эти пережитые «48 часов» растянулись для него в такую нестерпимо тягучую пытку. <...>

Он шел условленным путем трибунальной юстиции, и путь кончался для него в том же подвале, где завершилась кровавая работа чекистских «троек». И кто знает, который из этих путей человечней и легче. <...>

На большой Лубянке под № 14, в доме Московского Страхового общества, помещаются главные учреждения МЧК. Здесь работает денно и нощно бездушная машина Смерти, и здесь совершается полный круг последовательных превращений человека из обвиняемого в осужденного и из осужденного в обезображенное мертвое тело. <...>

В главном здании находятся «кабинеты» следователей, по докладом которых «коллегия» выносит свои трафаретно-жестокое приговоры. Позади него, в небольшом подземелье одноэтажного флигеля, приговоренные к смерти ждут своего последнего часа. И здесь же, во дворе, прилегая вплотную к Малой Лубянке, находится подвал, приспособленный под застенок чекистского палача. Там, в самом центре города, за стенами когда-то безобидного Страхового общества притаилось одно из грязных, слепых орудий террора, в тишине и безмолвии уничтожающее сотни и тысячи человеческих жизней. <...>

Позади главного здания с вереницей следовательских кабинетов находится, как уже было сказано, одноэтажный флигель, в котором в прежние времена помещался архив Страхового общества. Налево от входа имеются две комнаты, приспособленные под общие камеры для заключенных, и три маленькие «строгие» одиночки. Сюда обычно приводят только что арестованных или вызываемых на допрос и редко кто застревает здесь на продолжительные сроки.

Направо от входа находится большая, своеобразного устройства комната, где вдоль всех четырех стен тянется узкая галерейка с перилами, а вместо пола открытое пространство в подвальное помещение, которое соединено с верхом винтовой железной лестницей. Это тот самый таинственный и страшный «Корабль», в «трюме» которого обреченные неумолимо уносятся к роковому берегу Смерти. <...>

В одной из каменных стен «трюма» имеются две маленькие кладовые, превращенные в одиночки. Здесь обезумевшие от ужаса люди доживают свои последние земные часы. <...>

С каждой минутой, приближавшей осужденного к Смерти, стальное кольцо Неизбежного сжимало его в своих объятиях все страшнее и страшнее.

Быстро, одна за другой, уходили в прошлое все человеческие условности, все маленькие «права» и «гарантии», которыми даже в чекистском подвале пользовался еще четверть часа назад самый последний бандит.

И палач, утром еще приходивший от нечего делать «побеседовать» с осужденными, и следователь, угощавший их белыми булками, и безымянные надзиратели, мирно стоявшие на посту и еще час назад кормившие их обедом и выводившие на «оправку», – все они, словно по команде, превращались в разъяренных зверей, с одной общей мыслью, с одним устремлением: изловчиться и растерзать брошенную им на съедение жертву.

Еще живых и сознающих людей они раздевали и спорили потом об одеждах. Еще живых и инстинктивно сопротивляющихся Смерти они связывали по рукам и ногам, как связывают на бойнях животных, и взваливши на плечи, уносили в подвал к палачу.

Среди всей этой массы безличных участников казни были и... безразличные службисты, которые участвовали в палаческом деле по «долгу службы» и для которых расстрелы людей были такой же неприятной, но неизбежной повинностью, как война. Но были и другие – отдельные единицы, по темноте и случайности попавшие в чекистский застенок, но сохранившие человеческую совесть и потому не выдержавшие этого потрясающего зрелища предсмертных страданий. <...>

Если входить со стороны Малой Лубянки, то это будет от ворот первая дверь направо.

В подвале несколько помещений и одно из них приспособлено под застенок. Асфальтовый пол с желобом и стоком для воды. Изрешеченные пулями стены. Тяжелый запах запекшейся крови. И в углу небольшая скамья, где возбужденный палач поджидал свою очередную жертву. Обычно палач «работал» один. Но бывали случаи, когда его ограниченных сил не хватало, и тогда приходил на помощь какой-нибудь доброволец из надзирателей или красноармейцев Особого батальона. <...>

По выполнении канцелярских формальностей расстрелянных увозят в Лефортовский морг для вскрытия и погребения. Там завершается круг скитаний уже мертвого тела и бездушная машина Смерти выключает его из своих стальных объятий. «Революционное правосудие» свершилось.

Но его карающий меч преследует не только прямых врагов большевистского государства. Леденящее дыхание террора настигает и тех, чьи отцы и мужья лежат уже в братских могилах. Потрясенные нависшим несчастьем и ждущие томительными месяцами катастрофы, матери, жены и дети узнают о ней лишь много спустя, по случайным косвенным признакам, и начинают метаться по чекистским застенкам, обезумевшие от горя и неуверенные в том, что все уже кончено. <...>

Мне известен целый ряд случаев, когда МЧК – для того, чтобы отделаться, – выдавала родным ордера на свидание с теми, кто заведомо для нее находился уже в Лефортовском морге.

Жены и дети приходили с «передачами» в тюрьмы, но, вместо свиданий, им давался стереотипный ответ:

– В нашей тюрьме не значится.

Или загадочное и туманное:

– Уехал с вещами по городу...

Ни официального уведомления о смерти, ни прощального свидания, ни хотя бы мертвого уже тела для бережного семейного погребения. <...>

Террор большевизма безжалостен. Он не знает пощады ни к врагам, ни к детям, оплакивающим своих отцов.

Впрочем, и враги новой власти, сколько бы ни пытались они впоследствии обелить свои действия, отнюдь не брезговали террором, к радикальным методам устрашения прибегали и интервенты (немцы, румыны и особенно японцы на Дальнем Востоке), и формирования Белого

движения – достаточно вспомнить печально известные карательные отряды атамана В. Г. Семенова, творившие безжалостный произвол в Сибири. Вдобавок свою лепту в «буйство террора» вносила третья сила – «вольные анархисты», прежде всего формирования С. В. Петлюры и Н. И. Махно, одинаково жестоко расправлявшиеся как с белыми, так и с красными. О действиях махновцев в 1920 году вспоминала Г. А. Кузьменко, вторая жена «батьки Махно».

20–21 февраля. Переночевали в Федоровке на старой квартире. Утром послали разведку в Гуляй-Поле. После обеда выехали из Федоровки. По дороге встретили своего посланца, который известил, что в Гуляй-Поле стоит человек 200–300 красноармейцев. Наши решили ночью сделать налет и обезоружить красных. Вечером мы прибыли в с. Шагарово, где и остановились на несколько часов. Отсюда снова была послана разведка, которая должна была выяснить расположение как начальников, так и войск (красных). Часов в 12 ночи выехали из Шагарово на Гуляй-Поле. По дороге нас известили о расположении вражеского войска. Быстро мы въехали в с. Гуляй-Поле и разместились на околице, а все пригодные к бою хлопцы пошли сразу к центру, а потом и дальше обезоруживать непрощенных гостей. Красноармейцы не очень протестовали и быстро сдавали оружие, командиры же защищались до последнего, пока их не убивали на месте. До утра почти две трети 6-го полка было обезоружено. Часть, которые еще оставались не обезоруженными и до которых дошла наконец очередь утром, сразу начали храбро отстреливаться, но быстро узнав, что их товарищи уже обезоружены, и сами сдали оружие. Очень замерзли и устали наши хлопцы, пока покончили с этим делом, но наградой за этот труд и мучения у каждого повстанца было сознание того, что и маленькой кучке людей слабых физически, но сильных духом, вдохновленной одной великой идеей, можно делать большие дела. Таким образом, 70–75 наших хлопцев за несколько часов одолели 450–500 врагов, убили почти всех командиров, забрали много винтовок, патронов, пулеметов, двуколок, коней и прочего. <...>

16 марта. Утром выехали в Комарь. Только выехали за село, как получили известие, что в Мариентале есть отряд кадетов, который убил одного нашего хлопца и обстреляли остальных, которые приехали туда обменять лошадей. Наши решили сразу же пойти на этот хутор и побить кадетов. Конные сразу же отделились и пошли в обход. По правому флангу ехала и я с хлопцами. Подъезжая к хутору, увидели, как с хутора выскочили несколько конных и пеших, которые бросились бежать. Быстро вошли в хутор и начали обстреливать хаты. Убегавших догоняли и убивали на месте. Кто-то с краю поджег солому. В несколько хат бросили бомбы. Быстро со всем было покончено. Выяснилось, что тут отряда никакого не было, а была местная вооруженная организация, которая и убила нашего казака. За это необдуманное убийство дорого заплатил Мариенталь – почти все мужчины, за исключением очень старых и очень молодых, были убиты, говорят, что есть погибшие женщины; примерно час наши хлопцы ощущали себя в хуторе хозяевами, забрали много лошадей и прочего. Выезжая с хутора, в степи в бурьяне нашли двоих, которые спрятались тут с винтовками. Их порубали. Приехали в Комарь. Тут греки выдали нам одного немца, который, скрываясь, пересек речку и спрятался у них. Его тоже добились. <...>

17 марта. Утром выехали на Богатырь и дальше на Андреевку. В Андреевке действительно была 3-я рота 22-го карательного полка. Когда, выехав из Богатыря, переезжая речку Волчью, на той стороне возле мельницы на холме заметили двух кавалеристов, которые, заметив нас, очень быстро подались на Андреевку.

Наша кавалерия с батькой во главе рванулась вперед. Когда мы подъехали к селу, то сразу поднялась стрельба. Застрочил и пулемет. Кавалерия бросилась в село, пехота осталась далеко сзади. Вскоре нам сказали, что наши захватили в плен человек 40. Мы въехали в село и на дороге увидели кучку людей, которые сидели, а некоторые и стояли, и раздевались. Вокруг них крутились на лошадях и пешие наши хлопцы.

Это были пленные. Их раздевали до расстрела. Когда они разделись, им приказали завязывать друг другу руки. Все они были великороссы, молодые здоровые парни. Отъехав немного, мы остановились. По дороге под забором лежал труп. Тут на углу стоял селянин с бричкой, запряженной четверкою, на которой был взятый у красных пулемет. Тут же стояла еще одна подвода с винтовками. Вокруг крутились наши хлопцы и собралось много селян. Селяне смотрели, как сначала пленных раздевали, а потом стали выводить по одному и расстреливать. Расстрелявши таким образом нескольких, остальных выставили в ряд и резанули из пулемета. Один бросился бежать. Его догнали и зарубили.

Селяне стояли и смотрели. Смотрели и радовались. Они рассказывали, как эти дни отряд хозяйничал в их селе. Пьяные разъезжают по селам, требуют, чтобы им готовили лучшие блюда, бьют нагайками селян, бьют и говорить не дают.

По современным оценкам, общее количество жертв революционного террора составило около 2 000 000 человек.

Но страдали не только люди; ни радетели прежних порядков, ни, тем более, новая власть не щадили достояния страны – во имя победы уничтожались заводы, сжигались усадьбы, грабились церкви. Последнее поначалу происходило на стихийной основе, а в 1922 году был издан правительственный декрет об изъятии церковных ценностей. Этот декрет обернулся массовым разграблением церквей – и восстаниями «против безбожников», в частности, в Шуе. В сводках ОГПУ, приемницы ВЧК, за 1922 год сообщалось:

Агитационная кампания проводилась слабо за отсутствием времени. Изъятие ценностей началось 9–10 марта в церквях, расположенных в рабочих кварталах с целью прозондировать отношение рабочих. Так как никаких эксцессов не произошло, то комиссия по изъятию ценностей решила перейти к собору, в котором между прочим имеется копия иконы Смоленской Божьей матери. 12 марта (в воскресенье) состоялось общее собрание прихожан собора с целью выбора представителей от верующих. На собрании некоторые граждане выступали с призывом ценностей не сдавать, а внести добровольные пожертвования... Все-таки комиссия из пяти верующих была собранием избрана и 13 марта должна была совместно с правительственной комиссией приступить к изъятию. 13 марта после богослужения молящиеся не разошлись и стали ожидать прибытия в храм комиссии. В 12 часов таковая явилась и подверглась со стороны толпы разным оскорблениям как словами, так и действиями.

Видя невозможность работать, комиссия удалилась, а толпа принялась петь благодарственные молитвы по случаю «спасения» ценностей. В этот же день толпа не расходилась до самого вечера, хотя была немногочисленна и по временам раздражалась угрозами по адресу коммунистов и евреев. Конная милиция неоднократно рассеивала толпу, но она собиралась снова. <...>

15 марта были вызваны представители от верующих, чтобы начать изъятие, но ввиду скопления большой толпы, не разошедшейся после обычной службы и усиливаемой все новыми и новыми пришельцами, были сделаны попытки рассеять таковую при помощи милиции. Однако милиционеры подвергались оскорблениям, побоям и т. д. и рассеять толпу были не в силах. В то же самое время кто-то (как впоследствии оказалось, мальчишки в возрасте 12–14 лет) перелез через запертую решетку колокольни и ударил в набат. На звон сбегалось до 5000–6000 человек, а также прекратили работу две расположенные в Шуе текстильные фабрики. Продолжала работу фабрика тонких сукон.

Рабочие, хотя и прекратили работу, как было указано, но активного участия в беспорядках не приняли, ограничиваясь ролью зрителей. По распоряжению начальника гарнизона на соборную площадь была двинута рота красноармейцев. Пользуясь тем обстоятельством, что красноармейцы на площади были рассыпаны в цепь, толпа пыталась их сагитировать,

но, не добившись успеха, бросилась на солдат и стала отнимать у них винтовки. Произошло несколько выстрелов, причем какой-то гражданин был убит. Толпа стала избивать красноармейцев кольями и поленьями, причем один красноармеец избит смертельно, а 26 человек получили легкие ранения. Тогда на толпу были двинуты два грузовика с пулеметами. Пулеметами была сначала обстреляна колокольня с целью прекращения набата, затем дано несколько очередей поверх толпы. В результате толпа разбежалась, и порядок был восстановлен. Немедленно начались аресты наиболее ярых агитаторов и подстрекателей.

В сводной ведомости ВЦИК за ноябрь 1922 года приводятся такие сведения о количестве изъятых ценностей:

«По телеграфным сведениям местных комиссий по изъятию церковных ценностей изъято:

Золота 33 пуда 32 фунта

Серебра 23 997 пудов 23 фунта

Бриллиантов 35 670 штук

Прочие драгоценные камни 71 762 штук

Жемчуга 14 пуда 32 фунтов

Золотой монеты 3115 руб.

Серебряной монеты 19 155 руб.

Различных драгоценных вещей 52 пуда 30 фунтов».

Гражданская война: от Колчака до Врангеля, 1919–1920 годы Алексей Будберг, Николай Устрялов, Петр Врангель, Михаил Фрунзе

После свержения в Омске Директории – временного антибольшевистского правительства (1918) – адмирал А. В. Колчак, известный полярный исследователь и бывший командующий Черноморским флотом, был назначен единоличным правителем России и принял титул Верховного правителя Российского государства; эту должность он принял с такими словами: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройств государственной жизни, объявляю, что не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». Армия Колчака, развивая наступление, вышла к Волге, а с северо-запада ей навстречу двинулась армия генерала Н. В. Юденича, угрожавшая Петрограду. Впрочем, оба эти наступления не привели к успеху: армию Юденича удалось вытеснить в Прибалтику, а силы Колчака постепенно отходили к востоку, оставляя уральские и сибирские города.

Об обстановке в штабе Сибирской армии оставил воспоминания А. П. Будберг, военный министр в правительстве «Верховного», как за глаза называли Колчака.

Вернулся с фронта начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Лебедев... Что побудило адмирала взять себе в помощники этого случайного юнца без всякого стажа и опыта? Одни говорят, что таково было желание устроителей переворота; другие объясняют желанием адмирала подчеркнуть связь с Деникиным, который прислал сюда Лебедева для связи.

Впечатление от первой встречи с ним неважное: чересчур он надут и категоричен и по этой части очень напоминает всех революционных вундеркиндов, знающих, как пишется, но не знающих, как выговаривается. На очередном оперативном докладе он поразил меня своим апломбом и быстротой решений; я это уже не раз видел во время Великой войны в штабах армий, где стратегические мальчишки, сидя за сотни верст от фронта, во все мешались и все цукали. Здесь то же самое: такая же надменная властность, скоропалительность чисто эмоциональных решений, отмены отдаваемых армиями распоряжений, дерзкие окрики и обидные замечания по адресу фронтовых начальников, и все это на пустом соуса военной безграмотности, отсутствия настоящего военного опыта, непонимания психологии армии, незнания условий жизни войск и их состояния. Все это неминуемые последствия отсутствия должного служебного стажа, непрохождения строевой службы и войсковой боевой страды, полного незнания, как на самом деле осуществляются отдаваемые распоряжения и как все это отзывается на войсках. От этого мы стонали и скрежетали зубами на большой войне, и опять все это вылезло, обло и стозевно, и грозит теми же скверными последствиями.

Большинство ставочных стратегов командовали только ротами; умеют «командовать», но управлять не умеют и являются настоящими стратегическими младенцами. На общее горе они очень решительны, считают себя гениями, очень обидчивы и быстро научились злоупотреблять находящейся в их руках властью для того, чтобы гнуть и ломать все, что не по-ихнему и им не нравится.

Понятно, почему так ненавидят на фронте ставку; все ее распоряжения отдаются безграмотными в военном деле фантазерами и дилетантами, не знающими ни настоящей, неприкрашенной обстановки, ни действительного физического и морального состояния войск, т. е. тех решительных коэффициентов, которые в своей сумме определяют боевую эффективность

армий, их способность выполнения операции. Все делается без плана, без расчетов, под влиянием минутных импульсов, навеваемых злой критикой, раздражением, личными неудачами и привычкой цукать.

Забыто все, чему учила военная наука и академия по части разработки плана операций; плывут по течению совершающихся событий, не способные ими управлять.

Из ознакомления с донесениями с фронта убедился, что дела там совсем не важны и что оптимизм ставки ни на чем не основан. Достаточно разобраться по карте и проследить последние события, чтобы убедиться, что наше наступление уже захлебнулось и подкрепить его уже нечем. Здесь этого не хотят понять и злятся, когда это говоришь: слишком все честолюбивы, жаждут успехов и ими избалованы.

В районе Бугуруслана нас прорвали в очень опасном месте; этот прорыв уже третьего дня намечался группировкой красных войск и их передвижениями, и мало-мальски грамотный штаб, конечно, в этом разобрался бы и принял бы необходимые меры. У нас же этого не расчухали или прозевали, или не сумели распорядиться. Сейчас зато злятся, ищут виновных и рассылают обидные цуки.

Я считаю положение очень тревожным; для меня ясно, что войска вымотались и растрепались за время непрерывного наступления-полета к Волге, потеряли устойчивость и способность упорного сопротивления (вообще очень слабую в импровизированных войсках).

При таких обстоятельствах обозначившийся уже на левом фланге переход красных к активным действиям очень неприятен, так как готовых и боеспособных резервов у ставки нет; имеются совершенно сырые части генерала Каппеля, но для них нужно еще 2–3 месяца, чтобы они стали годными для упорных операций.

Ставка упорно закрывает глаза на то, что сброшенные как бы с боевых счетов красные вновь обозначились и не только затормозили наше продвижение, но уже сами начали нас кое-где толкать.

Плана действий у ставки нет; летели к Волге, ждали занятия Казани, Самары и Царицына, а о том, что надо будет делать на случай иных перспектив, не думали. Не хотят думать и сейчас; и сейчас нет подробно разработанного, систематически проводимого, надежно гарантированного от случайностей плана текущей операции. Не было красных – гнались за ними; появились красные – начинаем отмахиваться от них, как от докучливой мухи, совсем так же, как отмахивались от немцев в 1914–1917 гг.

Такая стратегия всегда вела к неудаче и катастрофе; теперь же она сугубо опасна, ибо фронт страшно, непомерно растянут, войска выдохлись, резервов нет, а войска и их начальники тактически очень плохо подготовлены, умеют только драться и преследовать, к маневрированию не способны и по этой части совсем безграмотны; кроме того, жестокие условия гражданской войны делают войска чувствительными к обходам и к окружению, ибо за этим стоят муки и позорная смерть.

Красные по военной части тоже безграмотны; их планы очень наивны и сразу видны; при мало-мальски грамотных начальниках и обученных маневрированию войсках всякую операцию красных можно обратить в их разгром. Но у них есть планы, а у нас таковых нет, и в этом их преимущество.

Был у военного министра генерала Степанова; знаю его по артиллерийскому училищу, порядочный человек, старательный, но бесцветный работник, знакомство с адмиралом в Японии выдвинуло его на тяжелый пост военного министра.

Сейчас под него подкапывается ставка, сваливая на него все недостатки по снабжению армии. Вообще отношения между ставкой и военным министерством самые враждебные; обе стороны зорко шпионят одна за другой и искренно торжествуют и радуются, если противник делает промахи и ошибки; оказывается, что в общем моральном разложении можно было докапываться и до такой гадости.

Вот к чему приводит борьба за власть, за первенство. Честолюбие, корыстолюбие, женолюбие слепят многих и заставляют забывать главное – спасение родины. В угаре этой борьбы в средствах не стесняются, а поэтому сплетня, провокация, ругань, возведение самых гнусных обвинений и распространение самых подлых слухов в полном ходу. <...>

По приказанию адмирала делал доклад Совету Министров о положении дел на Дальнем Востоке; предупредил членов совета, что докладываю разрозненные наблюдения обывателя; изложил свой взгляд на атаманщину и на ее гибельное значение для Омска и для всего дела восстановления разрушенной государственности. Указал на известные мне ошибки представителей дальневосточной власти, которые сделали слишком много для того, чтобы подорвать в корне нравственный престиж и реальный авторитет восстанавливаемой государственности, сделать ее одиозной в глазах местного населения и бросить его в объятия большевиков. Рассказал про порядки заготовки снабжения, про развал транспорта и пр.

Обвеянный старым чувством уважения к «Совету Министров», т. е. к ареопагу государственной мудрости и опыта, я вначале чувствовал себя очень смущенно, как будто бы на экзамене, и не успел даже рассмотреть как следует своих слушателей.

Полученные от армии сведения о состоянии снабжения дают самую отчаянную картину; самое скверное в том, что нет надежды на скорое улучшение, ибо все заказы с большими опозданиями размещены на востоке, срочность исполнения не обеспечена, а транзитный транспорт сократился почти вдвое, так как восстание в Енисейской губернии остановило ночное движение на всем Красноярском участке, и Иркутский узел все более и более забивается не пропускаемыми на запад поездами.

Считаю, что и ставка, и военное министерство виноваты в том, что допустили передачу вещевого снабжения в постороннее министерство, не связанное ничем с армией, не понимающее ее нужд, работающее вялым, бюрократическим темпом. Военные должны были соображать, что нельзя иметь голую армию, что и обязывало их не довольствоваться разговорами и обещаниями снабжательных штатских и принять такие меры, чтобы недостатка в вещевом снабжении не было; тут уж можно было ломить всю, не считаясь ни с расходами, ни с контролем, ни с никакими препятствиями. <...>

Разбирался во вчерашних впечатлениях и пришел в мрачное настроение: вражда между армиями, легкомысленность и легковесность основных распоряжений, втирание очков начальству показной стороной резервных частей, совершенно не готовых к бою, но на которых основываются серьезные планы очень рискованных операций; невероятный хаос в деле снабжения и почти никакой надежды на возможность улучшения и, наконец, несомненность атаманщины разных калибров и отсутствие настоящей дисциплины – вот печальный вывод впечатлений вчерашнего дня. Скверно и то, что верховный правитель едва ли в состоянии сломать все это и навести настоящий порядок: очень уж он доверчив, легковерен, несведущ в военном деле, податлив на приятные доклады и заморожен теми, кто говорит ему приятное и в оптимистическом тоне.

Между тем многие противники большевиков уже начали задумываться, насколько правы те, кто считает себя правыми в этой войне. Атмосферу гражданской войны и ощущения человека, оказавшегося между молотом и наковальней, между «красными, зелеными, золотопогонными», пребывающего в полной растерянности, не знающего, кто прав, кто виноват, но искренне болеющего душой за Россию, замечательно передают дневниковые записи видного отечественного философа, основоположника национал-большевизма, репрессированного в 1937 году Н. В. Устрялова.

Общее политическое положение смутно, тревожно, неустойчиво. «Радости нет» – это уже во всяком случае. На глазах ухудшаются отношения с союзниками, шевелится внутренний

большевизм, с другой стороны, нарастает самая черная и бессмысленная военная реакция. Жизнь все время как на вулкане. Мало у кого есть надежда победить большевиков.

Сам по себе Омск занят, особенно по населению. Сплошь типично столичные физиономии, столичное оживление. На каждом шагу – или бывшие люди царских времен, или падучие знаменитости революционной эпохи. И грустно становится, когда смотришь на них, заброшенных злою судьбой в это сибирское захолустье: нет, увы, это не новая Россия, это не будущее. Это – отживший старый мир, и ему не торжествовать победу. Грустно.

Это не авангард обновленной государственности, это арьергард уходящего в вечность прошлого. Нужно побывать в обеденные часы в зале ресторана «Россия», чтобы почувствовать это живо и осязательно. <...>

Большевики, видимо, держатся крепко. Молодцы! Говорят, Украина уже окончательно ими очищена и близится решительная схватка с Деникиным. Последний секретно сообщает, что положение серьезно. <...>

Плохие вести со всех сторон. На фронте идет наступление большевиков, пока очень успешное. Сданы им Бугуруслан, Сергиевск, Чистополь и уже, по-видимому, Бугульма. Неважно, грустно. <...>

Самые последние вести – ничего. Юденич непосредственно угрожает Петербургу, Деникин идет на Царицын, наши оправляются, мирная конференция будто бы решила признать Колчака. Большевики – как затравленные звери, умирают, но не сдаются. Честь им и слава! Возможно, что они попробуют и им удастся ближе сойтись с Германией и тем подбросить хвоста в угасающий очаг всемирной революции. Во всяком случае жить все интереснее и интереснее становится. И за Россию все спокойнее. Откровенно говоря, ее будущее обеспечено – вне зависимости от того, кто победит – Колчак или Ленин. <...>

У Деникина началось контрнаступление большевиков. Уже взяли обратно Балашев (значит, восстановили железнодорожную связь с Саратовом) и ведутся бои за Харьков и Екатеринослав. Ужели повторится история нашего наступления?.. Ну а у нас, разумеется, отвратительно, – судьба Екатеринбурга, вероятно, уже предрешена. В тылу – гнусная грызня генералов, обывательская паника, рост общественного недовольства – верный спутник неудач. Беда. На Западе – шатко. <...>

Снова дни решающие, роковые. Бой за Омск, за победу, за бытие Колчака, за перелом... Решается, кстати, и наша судьба – закинутых сюда порывом урагана людей. Что будет зимой – бегство, бедствия, гибель или успокоение и радость победы, в худшем случае зима в Омске со всеми удобствами теперешней жизни. Господи, пошли скорее мир России – по крайней мере, конец этой смертной междоусобной войне. <...>

Продолжаются бои, перелома еще нет, напряженно. Большевики, как говорят, дерутся отлично, наши – тоже. Большие сравнительно потери с обеих сторон. Мы взяли порядочно пленных. Офицеров и комиссаров расстреливают, вешают – *c'est l'usage* и ничего не поделаешь... С деникинского фронта, кажется лучше...

Внутри – усиливающееся злое чувство к союзникам за их политику расчленения России, за их равнодушие, за их невмешательство. В сущности, они, быть может, по-своему и правы – за чужой щекой зуб не болит, но, с другой стороны, когда болит зуб, нервы, как известно, сугубо расстроены. И естественно, ищешь врага... Наши неудачи сильно затормозили дело. Опять же изумительная ловкость большевиков. <...>

Радио большевиков становится иступленно, взвинченно в своей кровожадности, истерично – нечто подобное было с советскими вождями осенью, вернее, поздним летом прошлого года, когда чехи взяли Симбирск, Казань и, казалось, угрожали Нижнему... Террор опять оживился до нелепости. В Москве расстреляли 67 человек... Призывают громы на ученых, литераторов – словом, интеллигенцию. «Бей, губи их, злодеев проклятых». <...> Захлебывающаяся злоба, хрипящая... В ответ брошены бомбы на собрании коммунистов, есть убитые, раненые

– все второй и третий сорт. Деникин – на полдороге от Курска к Орлу, в опасности Воронеж, Мамонтов где-то в Тульской губернии, неуловимый, неуязвимый, словно Девет в бурскую войну – да, революция в опасности. У нас – тоже мало для них утешительного. Что будет? Опять спасутся? Ушли бы в Туркестан, к Индии... Стали бы восточным форпостом Великой России. Хорошо бы. <...>

Повсюду побеждают, разбит Юденич, отходит Деникин. Разбита контрреволюция...

Все длится восстание, углубляется, кровь, кровь... Пришла пора – ничего не поделаешь. Большевизм побеждает, победит – я, по крайней мере, в этом почти не сомневаюсь. Он объединит Россию – честь ему и слава! Боже, как глубоко все ошибались, ничего не поняли.

Тяжело на душе. Окончательно рушится привычная идеология, отвергнутая, разбитая жизнью. Уже давно сомнение закрадывалось в душу, но теперь уже ясно: большевизм побеждает, и вооруженная борьба против него не удалась. Скрывать от себя дальше эту истину просто бессмысленно, глупо.

В январе 1920 года А. В. Колчак, сознавая, что не справился с возложенными на него обязанностями, передал полномочия «Верховной российской власти» А. И. Деникину, а сам уехал в Иркутск, но был схвачен по дороге и передан большевикам. В феврале бывшего Верховного правителя расстреляли на берегу реки Ушаковка в Иркутской области.

Между тем англичане эвакуировались из Архангельска, и к марту 1920 года сопротивление большевикам на севере России прекратилось окончательно. На Дальнем Востоке при поддержке японцев возникла Дальневосточная республика, однако она просуществовала всего два года (бои в этом регионе с переменным успехом продолжались до октября 1922 года, когда части РККА и партизаны заняли Владивосток). На юге генерал Врангель начал наступление из Крыма навстречу полякам, которые двигались со стороны Белоруссии на Украину.

П. Н. Врангель в своих записках вспоминал, как не оправдались его надежды на скорую победу.

К концу августа разгром большевиков поляками выяснился в полной мере: около 250 тысяч людей и десятки тысяч коней попали в плен и частично были интернированы в Германии. Остатки большевистских армий поспешно бежали на восток, преследуемые польскими войсками.

На правом фланге поляков действовали украинские части, быстро продвигаясь на Украину. В правобережной Украине повсеместно вспыхивали восстания. Отряды Махно, Гришина, Омеляновича-Павленко и другие непрерывно тревожили войска красных, нападая на транспорт, обозы и железнодорожные эшелоны.

Нам удалось установить с партизанами-украинцами связь, оказывая помощь оружием, патронами и деньгами. Среди населения правобережной Украины распространялись мои воззвания, призывающие украинцев к борьбе с большевиками. <...>

Общая стратегическая обстановка, казалось, складывалась так, как обрисовывал я ее французскому правительству. События на польском фронте придавали западному направлению первенствующее значение. Принятие Польшей мира, усиленно предлагаемого большевиками и на котором настаивало правительство Ллойд-Джорджа, было бы для нас роковым. Освободившиеся на западном фронте три с половиной большевистских армий получили бы возможность обрушиться на нас, и в этом случае исход борьбы был бы предрешен. Последние наши пополнения были влиты в армию; других пополнений, кроме отдельных офицеров из числа эвакуированных в 19-м году в разные страны, не было. Местные средства людьми и лошадьми были полностью исчерпаны. Единственным источником пополнения оставались пленные, боеспособность которых, конечно, была весьма относительна.

Я принимал все меры, чтобы убедить французское и польское правительства в необходимости продолжения поляками борьбы или хотя бы затягивания намечавшихся мирных переговоров с тем, чтобы, воспользовавшись оттяжкой части красных войск на польском фронте, пополнить и снабдить мои войска за счет огромной, захваченной поляками добычи, использовать как боеспособные части перешедших на сторону поляков и интернированных в Германии большевистских полков, так и захваченную победителями материальную часть. <...>

Вместе с тем я решил предпринять поездку по фронту совместно с представителями союзнических миссий, имеющую целью с одной стороны вселить в них уверенность в прочности нашего положения, с другой – наглядно показать недостатки нашего снабжения и необходимость срочной помощи в этом отношении для продолжения борьбы.

30 августа вечером я выехал из Севастополя в сопровождении А. В. Кривошеина и представителей военных миссий Франции, Польши, Америки, Англии, Японии и Сербии и нескольких корреспондентов русских и иностранных газет. Утром 31 августа поезд остановился на станции Таганаш и мы на автомобилях выехали для осмотра части укрепленной позиции. Работы на этом участке фронта были наиболее закончены. Густая сеть проволоки, блиндажи, сложный лабиринт окопов, искусно маскированные батареи. Недавно установленная тяжелая крепостная батарея производила пробную стрельбу. Наши аэропланы корректировали. Прибывшие могли воочию убедиться в огромной работе, сделанной за последние несколько месяцев, почти при отсутствии средств. Вернувшись в поезд, мы тронулись далее и на станции Акимовка смотрели расположенный там авиационный парк и оттянутую в резерв славную Кубанскую дивизию генерала Бабиева. Наша воздушная эскадрилья, под руководством выдающегося летчика генерала Ткачева, производила в воздухе ряд блестящих маневров, маневров тем более удивительных, что большинство аппаратов пришли в полную ветхость и лишь беззаветная доблесть русского офицера заменяла технику. Полеты были окончены и военные представители окружили отважных летчиков, высказывая свое восхищение. Генерал Ткачев доложил о том, что большинство аппаратов совершенно изношены и что в ближайшее время, если не будет получено новых, наша авиация окажется бессильной. Я использовал случай, чтобы указать на те усилия, которые делались мной для получения новых аппаратов и на те непреодолимые препятствия, которые оказывались мне не только со стороны наших врагов. Так недавно с большим трудом приобретенные нами в одном из государств (Болгарии) аэропланы были «по недоразумению» уничтожены одной из иностранных контрольных комиссий (англичанами). Представитель великобританской военной миссии, симпатичный полковник Уолш, густо покраснел. <...>

После ужина мы вернулись в поезд и выехали на станцию Федоровка, откуда 1 сентября утром проехали на автомобилях в колонию Кронсфельд, где смотрели оттянутую в резерв командующего армией Корниловскую дивизию.

От края до края огромной площади растянулись ряды войск. На середине площади поставлен аналой и в блестящих ризах духовенство служит молебен. В тихом осеннем воздухе несутся звуки церковного пения, и где-то в небесной выси вторит им запоздалый жаворонок.

Загорелые, обветренные лица воинов, истоптанные порыжевшие сапоги, выцветшие истертые рубахи. У многих верхних рубах нет, их заменяют шерстяные фуфайки. Вот один, в ситцевой пестрой рубахе с нашитыми полотняными погонами, в старых выцветших защитных штанах, в желтых английских ботинках, рядом другой и вовсе без штанов, в вязаных кальсонах. Ужасная, вопиющая бедность. Но как тщательно, как любовно пригнана ветхая амуниция, вычищено оружие, выровнены ряды. После молебна я вручаю 1-му Корниловскому полку Корниловское знамя, знамя 1-го батальона имени генерала Корнилова.

Это знамя, сохраненное одним из офицеров полка, вырванным от большевиков, является для полка дорогой реликвией.

Части проходят церемониальным маршем. Один за другим идут стройные ряды, бодрый твердый шаг, веселые радостные лица и кажется, что встали из могилы старые русские полки. <...>

Общая численность войск XIII советской армии достигала 30 000 штыков и 7000 шашек. Общая численность VI, XIII и II конной армий исчислялась в 45 000 штыков и 13 000 шашек.

Наши силы к 1-му сентября не превосходили 25 000 штыков и 8000 шашек (боевой состав). <...>

В течение сентября месяца 1-я Русская армия рассеяла противника на всем фронте от Азовского моря до Кичкасской переправы. Задача моя – развязать себе руки для заднепровской операции – была выполнена. <...>

Переговоры поляков с представителями советской России начались. Польская делегация прибыла в Ригу 5 (18) сентября. С первых же дней обнаружилось почти полное расхождение сторон. Казалось, каждая сторона предъявила условия для другой неприемлемые, однако переговоры не прерывались. За спинами договаривающихся ясно чувствовалась борьба интересов других держав.

Большевики, видимо, ясно отдавали себе отчет в обстановке. Учитывая, что так или иначе они достигнут с поляками соглашения, руководители советской власти решили покончить с другим врагом. Был выброшен ударный лозунг: «Все на Врангеля».

Несмотря на то что остатки красных армий безудержно откатывались перед польскими войсками на восток, красное командование все свободные резервы теперь бросало на юг.

В середине сентября стали поступать сведения о движении на юг с юго-западного участка польского фронта и красной кавалерии Буденного (1-й конной армии). <...>

Для того чтобы посадить на коней прибывшие с Кубани войска, я вынужден был произвести новую конскую мобилизацию в Бердянском и Александровском уездах.

Стремясь всемерно облегчить тяжелое положение крестьян, я неизменно требовал от войск помощи населению в полевых работах. <...>

С приближением зимнего времени следовало предвидеть появление заболеваний сыпным тифом. Главным военно-санитарным инспектором был выработан, по моему предложению, детальный план борьбы с угрожающей эпидемией. Намечено было устройство трех заградительных пунктов, ряда больниц, общим числом на 6000 коек, изоляционных пропускных пунктов и т. д.

Если со стороны моих ближайших гражданских помощников и было сознание необходимости в исключительных условиях нашей работы избегать всякой рутины, бюрократизма и канцелярщины, то гражданские учреждения, как непосредственно ими возглавляемые, так и ведущие работу на местах, от всех этих недостатков отрешиться не могли. Работа в этих учреждениях во многих случаях оставалась неудовлетворительной и ко мне поступало большое число справедливых жалоб. <...>

Получение свежих пополнений, военного снабжения и осуществление намеченного займа дали бы возможность продолжить борьбу. В предвидении этого, удержание в наших руках Северной Таврии являлось существенно необходимым. Отход в Крым за перешейки не только обрекал нас на голод и лишения, но, являясь признанием невозможности продолжать активную борьбу, создавал угрозу лишения нас в дальнейшем всякой помощи со стороны Франции. Засев в Крыму, мы перестали бы представлять угрозу советскому правительству и тем самым теряли всякий интерес в глазах западных держав.

С другой стороны, неудача заднепровской операции неминуемо должна была отразиться на духе войск. Новые тяжелые потери еще ослабили состав частей. Пополнений на месте взять было неоткуда. Угроза со стороны каховского плацдарма продолжала висеть над нами. Противник на всем фронте беспрерывно усиливался. <...>

Сама природа, казалось, становилась против нас. Наступили небывалые в это время года морозы. Войска, почти раздетые, жестоко страдали от холода, появились обмороженные. Количество простудных заболеваний резко возросло. Полки таяли.

Бросая все свои свободные силы на юг, красное командование принимало одновременно меры для усиления работы своей в нашем тылу. За последнее время вновь оживилась деятельность зеленых, усилилась работа и по военному шпионажу, руководимая регистрационным отделом («Регистродом») кавказского фронта, расположенным в Ростове-на-Дону. Этот «Регистрод» через свои регистрационные пункты № 5 и 13, расположенные в Темрюке (кубанской области), и через особые пункты («Ортчк») на побережье Таманского полуострова высылал ряд разведчиков, направляя их на Темрюк-Тамань, а затем через узкий Керченский пролив на побережье Керченского полуострова и далее в Крым и этим же путем принимал их обратно.

В течение месяца в городе Керчи и в прилегающем к нему районе было арестовано шесть советских шпионов и раскрыта организованная большевиками на нашей территории «служба связи» с таманским берегом, располагавшая в Керчи и в поселке Юргак (на Азовском море) тайными станциями, снабженными сигнальными ракетами, сферическими зеркалами для оптической сигнализации и материалами для химического письма. У одного из этих шпионов между прочими документами было найдено также предписание «связаться с Мокроусовым» и «явка», т. е. указание, как найти сего последнего. <...>

Общая численность красных войск на южном фронте должна была быть исчислена в 55–60 тысяч штыков и 22–25 тысяч сабель, имея в виду только бойцов на фронте. Численность всех войск красного южного фронта вместе с тыловыми частями была, конечно, значительно больше.

Соотношение сил было не в пользу Русской армии не менее как в три – три с половиной раза.

План красного командования сводился к захвату в клещи на полях Северной Таврии живой силы Русской армии и к стремительному прорыву через перешейки в Крым... Я своевременно учел планы красного командования и, стянув ударную группу генерала Кутепова в район Серагоз, предпринял операцию последовательных, по внутренним операционным линиям, ударов частями ударной группы по главным силам противника, наступающим из никопольского района и каховского плацдарма; на восточном участке нашего фронта предполагалась активная оборона.

Командующим Южного фронта РККА был назначен М. В. Фрунзе, проявивший себя в борьбе с Колчаком. Впоследствии Фрунзе вспоминал подробности военной операции, вошедшей в учебники истории как «взятие Перекопа».

Сейчас, когда пишутся эти строки, – 3 ноября.

В этот день, два года тому назад, завершился отходом врангелевских войск за крымские перешейки первый акт кровавой трагедии, известной под именем борьбы с южнорусской контрреволюцией. Невольно мысль переносится к этим незабвенным дням, становящимся уже историческим прошлым, и в сознании одна за другой всплывают картины этого, одного из наиболее драматических периодов истории нашей борьбы.

Армии Южного фронта, выполнив с успехом поставленную им первоначальную задачу – разгрома живых сил противника к северу от перешейков, к вечеру 3 ноября стали вплотную у берегов Сиваша, начиная от Геническа и кончая районом Хорды.

Началась кипучая, лихорадочная работа по подготовке форсирования Чонгарского и Перекопского перешейков и овладения Крымом. <...>

Дорога все время идет по ровной, лишь местами пересекаемой неглубокими балками местности ярко выраженного степного характера. Населенные места сравнительно редки. Сама

дорога была в превосходном для езды состоянии. Уже несколько дней как стояла ясная довольно морозная погода, и о распутице, которой я так опасался при начале нашего путешествия, не было и помину.

Все проселочные дороги, шедшие в направлении с севера на юг, полны следов только что разыгравшихся кровавых событий. Прежде всего бросалось в глаза огромное количество павших лошадей. Вся степь и особенно вблизи дороги буквально была покрыта конскими трупами. Я, помню, несколько раз принимался считать, сколько трупов проедем мы в течение 2–3 минут, и всякий раз получал цифры, начинавшиеся десятками. При виде этих кладбищ ближайших друзей нашего пахаря как-то особенно больно становилось на душе, и перед сознанием вставал вопрос: каково-то будет впоследствии и как будем справляться мы с фактом такой колоссальной убыли конского состава.

Участок железной дороги от ст. Большой Утлюг и вплоть до ст. Рыково представлял собою картину хаотического разрушения. Почти на всем протяжении он был забит остатками многочисленных железнодорожных составов, выброшенными белыми с севера, но не успевшими проскочить в Крым. Большинство из них было уничтожено огнем и взрывами, но большое количество и уцелело. Многие составы продолжали гореть, и оттуда то и дело раздавались глухие снарядные взрывы и треск взрывающихся патронов. Все пространство на протяжении 15–20 саж. от пути было усеяно гильзами от патронов и снарядов разных калибров. <...>

Такова была внешняя, материальная обстановка, в условиях которой шла с напряженной энергией работа по подготовке последнего, решительного наступления. <...>

И наконец шла самая энергичная работа по подготовке штурма Чонгарского перешейка.

Для этой цели все время по ночам производились поиски наших разведывательных отрядов на тот берег, причем отряды переправлялись через Сиваш или на лодках, или на наскоро сколоченных плотках; со всех сторон побережья и главным образом из Геническа свозились перевозочные средства (лес, лодки и пр.), совершенно отсутствовавшие в намеченных для удара районах; устанавливались береговые батареи для прикрытия штурма, приводились в оборонительное состояние позиции и пр.

Чтобы оценить всю грандиозность производившейся работы, надо, как я уже отметил, помнить, во-первых, что никаких технических средств у войск под рукой не было, и во-вторых, что работу эту производили люди в условиях страшной стужи, полураздетые и разутые, лишенные возможности хотя бы где-нибудь обогреться и не получавшие даже горячей пищи и питья. Дело в том, что налицо были лишь боевые части, что же касается войсковых тылов, технических средств и пр., то все это оставалось далеко в тылу ввиду полной невозможности поспеть за полками при том темпе нашего наступления, который имел место, и при абсолютном отсутствии перевозочных средств. Только небывалый подъем настроения и величайший героизм всего состава армий фронта позволяли не только совершать невозможное, но и делать то, что почти не было слышно жалоб на вопиющие условия боевой работы. Каждый красноармеец, командир и политработник держались лишь крепко засевшей в сознании всех мыслью: во что бы то ни стало ворваться в Крым, ибо там конец всем лишениям. <...>

Перекопский и Чонгарский перешейки и соединяющий их южный берег Сиваша представляли собой одну общую сеть заблаговременно возведенных укрепленных позиций, усиленных естественными и искусственными препятствиями и заграждениями. Начатые постройкой еще в период Добровольческой армии Деникина, позиции эти были с особым вниманием и заботой усовершенствованы Врангелем. В сооружении их принимали участие как русские, так, по данным нашей разведки, и французские военные инженеры, использовавшие при постройках весь опыт империалистической войны. Бетонированные оружейные заграждения в несколько рядов, фланкирующие постройки и окопы, расположенные в тесной огневой связи, все это в одной общей системе создало укрепленную полосу, недоступную, казалось бы, для атаки открытой силой.

Наиболее сильно укреплены были участки Перекопский и Чонгарский, особенно первый, имевшие по несколько укрепленных линий, богато вооруженных тяжелой и легкой артиллерией и пулеметами. <...>

При определении направления главного удара надо было выбирать между Чонгаром и Перекопом. Так как Перекоп в силу большой ширины открывал более широкие возможности в смысле развертывания войск и вообще представлял больше удобств для маневрирования, то, естественно, наш решающий удар был нацелен сюда. <...>

7 и 8 ноября мы провели в расположении частей 6-й армии. 8-го около 4 час. дня, захватив с собою командующего 6-й армией т. Корка, мы приехали в штаб 51-й дивизии, на которую была возложена задача штурма в лоб Перекопского вала. Штаб стоял в с. Чаплинке. Настроение в штабе и у начдива т. Блюхера было приподнятое и в то же время несколько нервное. Всеми сознавалась абсолютная необходимость попытки штурма и в то же время давался ясный отчет в том, что такая попытка будет стоить немалых жертв. В связи с этим у командования дивизии чувствовалось некоторое колебание в отношении выполнимости приказа о ночном штурме в предстоящую ночь. В присутствии командарма мною было непосредственно в самой категорической форме приказано начдиву штурм произвести.

Надо признать, что действительно на войска дивизии возлагалась задача неимоверной трудности. Нужно было без сколько-нибудь значительной артиллерийской подготовки, на самом узком пространстве и по абсолютно ровной, лишенной всяких следов местности атаковать сильно укрепленную позицию.

Отдав все необходимые указания и оставив т. Корка в Чаплинке, мы двинулись дальше по направлению к Перекопу. Были уже сумерки. Когда мы приблизились к берегу Перекопского залива, поднялся туман, закрывший на расстоянии нескольких шагов все предметы. На юге и юго-востоке непрерывно раздавался грохот орудийной пальбы. Подвигались мы довольно медленно, с каждым шагом вперед пушечная канонада становилась все слышнее и слышнее. Скоро впереди и вправо от нас мы стали различать огневые вспышки орудийных залпов.

Линия неприятельского расположения обнаруживалась непрерывными снопами лучей прожекторов, старавшихся пронизать мрак и раскрыть движение наших частей. На огонь противника отвечали сильным огнем и наши батареи, расположенные перед Перекопской позицией. <...>

Огонь со стороны противника усиливается, отдельные снаряды попадают в район дороги, идущей по северному берегу Сиваша, по которой едем мы. Впереди и несколько влево от нас вспыхивает сильный пожар. Это неприятельские снаряды зажгли скирды соломы у какого-то хутора возле с. Перво-Константиновка. <...>

Очень выгодным для нас обстоятельством, чрезвычайно облегчившим задачу форсирования Сиваша, было сильное понижение уровня воды в западной части Сиваша. Благодаря ветрам, дувшим с запада, вся масса воды была угнана на восток, и в результате в ряде мест образовались броды, правда очень топкие и вязкие, но все же позволившие передвижение не только пехоты, но и конницы, а местами даже артиллерии. С другой стороны, этот момент совершенно выпал из расчетов командования белых, считавшего Сиваш непроходимым и потому державшего на участках наших переправ сравнительно незначительные и притом мало обстрелянные части, преимущественно из числа вновь сформированных.

В результате первых боев была сдача нам в плен целой Кубанской бригады ген. Фостикова, только что прибывшего из Феодосии... Из поступивших за ночь и за день донесений было ясно, как правильно поступали мы, решившись идти на штурм без всяких проволок и даже не дождавшись прибытия отставшей сзади тяжелой артиллерии. Противник совершенно не ожидал такого быстрого удара с нашей стороны. Уверенный в безопасности, он к моменту нашей атаки производил перегруппировку войск, заменяя на перекопском направлении сильно потрепанные части своих 13-й и 34-й дивизий II арм. корпуса дроздовцами, марковцами и кор-

ниловцами из состава своего лучшего I арм. корпуса. В результате часть позиций занималась еще прежними гарнизонами, а часть новыми, еще не успевшими даже ознакомиться с местностью. <...>

Не больше чем через полчаса после нашего приезда в дивизию с линии связи, проложенной через Сиваш к боевому участку, поступают донесения о повышении уровня воды, начавшей медленно затопливать брод. Проверили, оказалось действительно так. Положение создавалось чрезвычайно опасное. Стоило воде подняться еще немного, и тогда полки 15-й, а вслед затем и 52-й дивизии окажутся отрезанными по ту сторону Сиваша. Надо было немедленно же принимать самые решительные меры, иначе все дело могло погибнуть.

Таковыми мерами явились следующие мои распоряжения, отданные к немедленному исполнению: 1) подтверждение немедленной атаки в лоб частями 51-й дивизии Перекопского вала под угрозой самых суровых репрессий в случае оттяжки в исполнении; 2) мобилизация всех жителей с. Строгановки, Владимировки и пр. для предохранительных работ на бродах; 3) приказ 7-й кав. дивизии и Повстанческой группе, стоявшим в 10 км от Строгановки, сейчас же садиться на коней и переправляться через Сиваш для подкрепления 15-й и 52-й дивизий. <...>

Я получаю донесение из штаба 51-й дивизии, переданное через штадив 52-й, о том, что части 51-й дивизии в 3 часа 30 мин. пополудни овладели штурмом Перекопским валом и продолжают наступление на Армянский базар. Прочитал донесения, и с плеч словно гора свалилась. Правда, это еще не означало окончания задачи, ибо дальше путь в Крым преграждали сильные Юшунские позиции и главная развязка всей операции должна была произойти там, но все же со взятием Перекопа для нас в значительной мере ослабела опасность погубить целиком 2 дивизии, отрезаемые водами Сиваша. Теперь появилась возможность установления с ними связи по твердому грунту, что резко улучшало всю обстановку.

Дав директиву командованию 6-й армии об энергичном продолжении дальнейшего наступления, я со спокойной совестью направился отдохнуть. <...>

Так решилась участь Крыма, а с ним и судьба всей южнорусской контрреволюции.

Победа, и победа блестящая, была одержана по всей линии. Но досталась она нам дорогой ценой. Кровью 10 тыс. своих лучших сынов оплатили рабочий класс и крестьянство свой последний, смертельный удар контрреволюции. Революционный порыв оказался сильнее соединенных усилий природы, техники и смертельного огня.

Память об этих 10 тыс. красных героев, легших у входа в Крым за рабочее и крестьянское дело, должна быть вечно светла и жива в сознании всех трудящихся. Если нам теперь легче, если мы наконец окончательно закрепили торжество труда не только на военном, но и на хозяйственном фронте, то не забудем, что этим мы в значительной мере обязаны героям Перекопа и Чонгара. Их незабвенной памяти посвящаю эти строки и перед ними склоняюсь обнаженной головой.

С падением Белого Крыма организованное сопротивление большевикам фактически прекратилось. После этого новая власть сосредоточила усилия на подавлении крестьянских восстаний, крупнейшими из которых были мятежи в Тамбовской губернии («антоновщина») и в Западной Сибири. Вдобавок в 1921 году взбунтовались моряки Балтийского флота – гарнизон крепости Кронштадт. Во многом эти восстания были спровоцированы голодом, который охватил Поволжье, Центральное Черноземье, левобережную Украину и Урал. Как сообщала газета «Советский Юг» (31 января 1922 года), «голод принял уже ужасающие размеры. В с. Летнем за 5 дней зарегистрировано 7 смертей, в с. Иванке мать зарезала своего ребенка, а сама бросилась в колодезь. Цифра голодающих в нашем уезде достигает 12 000 человек. В Белой Глине умерло 5 душ, в с. Летнем – 13, в Дмитриевке 3, в Ново-Егорьевском – 6. Лошади пали почти все. Население питается всевозможными суррогатами: косяпы с кукурузой, курай, зола, полова и проч.». Причем власти не позволяли голодающим в поисках «лучшей

доли» менять место жительства, однако голод вынуждал людей отправляться за пропитанием в более благополучные края: так появились мешочники; среди них, безусловно, хватало спекулянтов, однако в основном это были крестьяне, отправившиеся в неблизкий путь, чтобы выменять что-либо из своего имущества на еду. (Встречались среди мешочников и известные личности. Так, по воспоминаниям А. Б. Мариенгофа, этого промысла не был чужд С. А. Есенин.)

Все эти восстания, несмотря на их размах, в итоге удалось подавить.

Если допустимо говорить о победе в гражданской войне (как правило, в таких войнах проигрывают все), победителями оказались «революционные массы», а проигравшие – те, кто уцелел – покинули страну; это была первая волна русской эмиграции, осевшая в Европе и на Дальнем Востоке. Позднее, в 1922 году, к этим эмигрантам присоединились пассажиры так называемого «философского парохода» (два рейса немецких пассажирских судов – «Oberbürgermeister Haken» и «Prussia») – деятели культуры, объявленные врагами революции, университетская профессура, врачи, экономисты, юристы, литераторы, студенты... Л. Д. Троцкий так прокомментировал эту акцию: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно».

Как писал один из офицеров Добровольческой армии Б. А. Штейфон, причиной победы большевиков послужило, не считая разобщенности белого движения, прежде всего умение привлечь на свою сторону народные массы: «Несмотря на крайне печальное общее состояние советских войск, в своей массе совершенно развращенных революцией 1917 года, красное командование все же имело немало преимуществ по сравнению с нами. Оно обладало громадным, многомиллионным человеческим резервом, колоссальными техническими и материальными средствами, оставшимися как наследство после Великой войны. Это обстоятельство и позволяло красным направлять все новые и новые части... Как ни превосходила белая сторона и духом, и тактической подготовкой, все же это была лишь небольшая горсточка героев, силы которых уменьшались с каждым днем... Ведя ежедневно борьбу, наши части несли большие потери убитыми, ранеными, больными и таяли с каждым днем. В подобных условиях войны наше командование только доблестью войск и искусством начальников могло сдерживать натиск красных. Как правило, резервов не было. Добивались успеха преимущественно маневром: снимали что могли с менее атакованных участков и перебрасывали на участки угрожаемые. Рота в 45–50 штыков считалась сильной, очень сильной!»

Формально гражданская война завершилась в 1922 году взятием Владивостока. Как пелось в популярной песне на слова П. С. Парфенова:

Разгромили атаманов,
Разогнали воевод,
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

От военного коммунизма к НЭПу, 1921–1923 годы

Владимир Ульянов (Ленин), сводки ОГПУ, газета «Правда»

Когда организованное сопротивление было подавлено, советское правительство сочло возможным отказаться от политики военного коммунизма, применявшейся в годы гражданской войны. Эта политика предусматривала национализацию промышленных предприятий, ликвидацию частных банков, монополию государства на внешнюю торговлю, введение принудительной трудовой повинности и – самое главное – продовольственную диктатуру: на селе широко использовалась печально известная «продразверстка», когда у крестьян изымали до 70% зерна и продуктов. В. И. Ульянов (Ленин) так объяснял суть военного коммунизма: «Своеобразный “военный коммунизм” состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелко-крестьянской стране мы не могли. <...> Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. “Военный коммунизм” был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой».

В докладе «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии» в 1921 году председатель Совета народных комиссаров подвел итог гражданской войне и оценил экономическое состояние страны.

Для того, чтобы добиться того, чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех или, по крайней мере, в нескольких главных капиталистических странах, и после трех лет ожесточенной упорной войны мы видим, в каком отношении наши предсказания не оправдались и в каком отношении оправдались. Они не оправдались в том отношении, что быстрого и простого решения этого вопроса не получилось. Конечно, никто из нас не ожидал, чтобы три года могла тянуться такая неравная борьба, как борьба России против всех капиталистических держав мира. <...>

Нечего и доказывать, что о сравнении военных сил РСФСР с военными силами всех капиталистических держав и речи быть не может. В этом отношении мы в десятки и сотни раз слабее их, тем не менее после трехлетней войны мы принудили почти все эти государства отказаться от мысли дальнейшего вмешательства... Это произошло не по той причине, чтобы мы оказались в военном отношении сильнее, а Антанта слабее, а причина та, что усиленно шло все время внутреннее разложение в государствах Антанты, а у нас, напротив, шло внутреннее укрепление, и война служит подтверждением, доказательством этого... Мы оказались в таком положении, что, не приобретя международной победы, единственной и прочной победы для нас, мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые отношения с нами. В процессе этой борьбы мы отвоевали себе право на самостоятельное существование.<...>

Теперь я перейду к положению внутреннему. В связи с крахом целого ряда попыток военного вмешательства, экономическое положение у нас улучшилось в очень значительных размерах. Основой того отчаянного положения, в котором мы были прежде, было то, что от нас, от центральной России, промышленной России, пролетарской России, Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, отрезаны были все наиболее хлебные районы – Сибирь, юг, юго-восток, отрезан был один из главных источников топлива – Донецкий бассейн, отрезаны были источ-

ники нефти, и представлялось совершенно невероятным, чтобы в таком положении республика могла фактически продержаться. Вы знаете, какие отчаянные бедствия и какие громадные лишения, нужда в хлебе и голод обрушились на нас в связи с этой отрезанностью наиболее хлебных и наиболее важных экономических районов. И основой улучшения, которое сейчас наблюдается, в значительной степени является присоединение этих районов. Продовольственные заготовки дают нам теперь, благодаря возможности привлечь Сибирь, Кавказ и благодаря развивающемуся изменению в социальном отношении Украины в нашу пользу, то, что в ближайшую, предстоящую продовольственную кампанию мы не только выйдем уже без прямой дыры в мешке, как это было в текущем году, но с достаточным обеспечением всех промышленных рабочих в продовольственном отношении. Это – первая кампания, когда мы можем рассчитывать, благодаря несомненно наступающему улучшению в транспорте, что в руках государства будет такой продовольственный фонд, от 250 до 300 миллионов пудов хлеба, при котором о социалистическом строительстве мы будем не только говорить и ничтожное дело делать, как теперь, но действительно оперировать с настоящими трудовыми армиями, будем иметь возможность сотни тысяч промышленных рабочих или рабочих, исполняющих продовольственную работу для промышленности, действительно ставить на неотложную, насущную работу и улучшать эту работу подобно тому, как улучшение положения с топливом, которое мы получили, дало возможность восстановить мануфактурную промышленность. Иваново-Вознесенская губерния стала пускать свои фабрики в ход. Вначале работало не более трети миллиона веретен, в настоящее время работает уже полмиллиона, до 600 000, к концу года мы рассчитываем развернуть до миллиона, а в будущем году думаем довести до 4 миллионов веретен. Из того состояния, когда мы с величайшим трудом вывертывались, расходуя старые запасы, мы только теперь начинаем переходить в условия, когда Россия берется за восстановление разрушенного производства и получит возможность, взимая с деревни хлеб, давать крестьянину соль, керосин и, хотя бы в небольших размерах, мануфактуру. Без этого о социалистическом строительстве не может быть и речи.

Если в международном отношении мы приобрели базу, покончив с целым рядом военных нашествий и вырвав мирные договоры с целым рядом государств, то в экономическом отношении мы только теперь получаем возможность иметь хлеб для нужд рабочих, занятых в промышленности, хлеб для промышленности, т. е. топливо, в таких размерах, чтобы начать социалистическое строительство. И тут наша главная задача, в этом самый гвоздь вопроса, тут переход, который мы несколько раз пытались делать. Я помню, что в апреле 1918 года я перед собранием ВЦИК говорил о том, что военные задачи наши как будто кончаются, что мы Россию не только убедили, не только отвоевали ее от эксплуататоров для трудящихся, но мы теперь должны перейти к задачам, чтобы Россией управлять для хозяйственного строительства. Передышка, которую мы тогда имели, оказалась самой ничтожной... Но эту попытку мы делали несколько раз: и весной 1918 г. и, в более широком масштабе, весной нынешнего года, когда вопрос о трудовых армиях был практически поставлен. Теперь мы должны этот переход еще раз поставить во главу угла и напрячь все силы, чтобы его осуществить. Здесь в высшей степени важная задача всего социалистического переворота, взятого с международной точки зрения, с точки зрения победы над капитализмом вообще. Чтобы победить капитализм вообще, надо, во-первых, победить эксплуататоров и отстоять власть эксплуатируемых – задача свержения эксплуататоров революционными силами; во-вторых, задача созидательная – построить новые экономические отношения, показать пример того, как это делается. Эти две стороны задачи осуществления социалистического переворота связаны неразрывно и отличают нашу революцию от всех предыдущих, в которых довольно было стороны разрушительной.

Если же мы второй задачи не решим, то никакие успехи, никакие победы в деле свержения эксплуататоров, в деле военного отпора международным империалистам ничего не дадут, и возврат к старому останется неизбежным. На этот счет в смысле теоретическом не может

быть двух мнений. Переход здесь чрезвычайно резкий и трудный, требующий иных приемов, иного распределения и использования сил, иного устремления внимания, психологии и т. д. Вместо методов революционного свержения эксплуататоров и отпора насильникам мы должны применить методы организаторства, строительства, мы должны проявить себя, отстоять себя перед всем миром не только как сила, способная сопротивляться военному удушению, а как сила, способная показать пример... Пролетариат теперь должен... показать крестьянину, что он может дать ему образец и практику таких экономических отношений, которые окажутся выше тех, где каждая крестьянская семья хозяйничает по-своему. <...>

Мы не сделали того главного, что нужно сделать – показать, что пролетариат восстановит крупное производство и общественное хозяйство так, чтобы перевести крестьянство на высший экономический строй... Я кратко указал условия обеспечения хлебом рабочих, занятых в промышленности, и обеспечения промышленности топливом. Такие условия являются фундаментом, обеспечивающим возможность дальнейшей постройки. Я должен добавить, что на предстоящем съезде Советов, как вы видели из порядка дня, опубликованного в газетах, этот вопрос о хозяйственном строительстве должен явиться центральным вопросом. Весь порядок дня приспособлен к тому, чтобы все внимание и заботы всех съехавшихся делегатов, всей массы советских и партийных работников во всей республике сосредоточить на хозяйственной стороне, на восстановлении транспорта, промышленности, на том, что названо осторожно «помощью крестьянскому хозяйству», но что означает гораздо больше – целую систему, обдуманный ряд мер для того, чтобы крестьянское хозяйство, которое будет существовать еще довольно долго, поднять на должную высоту.

Десятый съезд РКП(б) в марте 1921 года объявил о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (НЭП). Последняя заключалась в замене продразверстки продналогом (теперь изымалось не более 30% сельхозпродукции) и предусматривала введение рыночных отношений – была осуществлена денежная реформа, развивалось кредитование, в промышленности появились тресты (производственные цепочки), а сами предприятия получили возможность самостоятельно использовать доходы, оставшиеся после перечисления в бюджет обязательных платежей. Появились торговые и промышленные кооперативы, была восстановлена денежная оплата труда, произошла даже частичная приватизация. В итоге, по данным статистики, за 5 лет, с 1921 по 1926 год, индекс промышленного производства увеличился более чем в 3 раза, а сельскохозяйственное производство выросло в 2 раза. В восстановлении промышленности немалую роль сыграл и принятый в 1920 году план ГОЭЛРО – проект электрификации России. В рамках этого плана не только строились гидроэлектростанции и проводилось электричество в частные дома (знаменитые «лампочки Ильича»), но и строились шоссейные и железные дороги, был сооружен Волго-Донской канал.

Однако положение простых рабочих оставалось достаточно тяжелым, о чем свидетельствуют сводки Объединенного государственного политического управления (ОГПУ, преемника ВЧК) за 1922–1923 годы.

Металлисты

1922 г.

Март

На заводе АМО благодаря агитации меньшевика (персонально известен) возникла забастовка рабочих (800 чел.) из-за задержки жалования и продовольствия за февраль.

Апрель

На машиностроительном заводе б. Г. Листа – двухкратная забастовка из-за слишком высокой платы за продпак.

Июнь

На Мытищенском вагоностроительном заводе (Московский у.) забастовка из-за невыплаты жалования продолжалась 3 часа. <...>

Люберецкий завод Международной компании жатвенных машин (Московский у.) – 3-дневная забастовка из-за несвоевременной выплаты жалования. Срыв празднования Октябрьской революции. Рабочих 1050 чел.

1923 г.

Январь

4-й автозавод «Спартак» – 4-часовая забастовка из-за несвоевременной выплаты жалования. Ликвидирована выдачей денег. Рабочих 500 чел. <...>

Май

Завод б. Доброва и Наболиц. 15 апреля на общем собрании было объявлено о предстоящем закрытии завода в целях концентрации производства. 1 июня завод был фактически закрыт. Предзавком заявил, что рабочие не будут уволены, а будут переведены на другие заводы. 25 мая рабочие в час дня без ведома администрации прекратили работу, вышли на двор и стали обсуждать положение завода. Выступивший рабочий (персонально известный) указывал на нецелесообразность закрытия завода ввиду наличия топлива, сырья и получения заказов. Была послана делегация к Троцкому (4 члена РКП и 8 беспартийных). Забастовка и «итальянка» длились 5 часов. 2 июня состоялось общее собрание рабочих по вопросу о порядке расчета и перевода рабочих на другие предприятия. Собрание было очень бурным. Делавший доклад предзавкома указал, что из 700 рабочих только 160 будут переведены на другие предприятия, остальные – рассчитаны, будет выплачено за 1,5 месяца вперед. Были сильно недовольны директором Степановым, который на все вопросы рабочих отвечал: «Ничего не знаю». 5 июня рабочие получили полный расчет и компенсацию. Рабочие, связанные с деревней, от перехода на другие предприятия отказались, остальные переходили. В данное время настроение рабочих удовлетворительное.

Текстильщики

1922 г.

Июнь

Фабрика Глуховской мануфактуры (Богородский у.) – 2-дневная «итальянка» мастеров-механиков и общая однодневная забастовка из-за несвоевременности заключения договора. Рабочих 800 чел.

Август

Наиболее крупное забастовочное движение среди текстильщиков, почти на всех фабриках Орехово-Зуевского треста. Забастовка началась 9 августа на ткацкой фабрике б. Саввы Морозова из-за несоблюдения трестом коллективного договора. 14 августа состоялось общее собрание рабочих Никольских фабрик Орехово-Зуевского треста по вопросу о коллективном договоре. Ввиду того, что рабочие договор профсоюза с трестом считали для себя неподходящим, собрание ни к каким результатам не пришло. В связи с этим 15 августа рабочие Ткацкого отдела фабрики б. С. Морозова (около 200 чел.) не приступили к работе. В тот же день на почве колдоговора забастовали и 5 Никольских фабрик, число бастующих достигло 19 тыс. человек. Из солидарности с рабочими Ореховских фабрик 17 августа забастовали и рабочие фабрики б. Зимина в Зуеве. Благодаря вмешательству ЦК текстильщиков забастовку удалось ликвидировать на основе заключенного колдоговора, который был принят без изменений. 21 августа рабочие приступили к работе. <...>

Связь

1922 г.

Март

Центральный телеграф – сильное брожение из-за низкой оплаты труда и недостаточное снабжение продовольствием, которое позже вылилось в забастовку техников аппаратной службы, поддержанную низшими служащими. Забастовка длилась 2 1/2 часа, ликвидирована обещанием выдать жалование за первую половину марта и за февраль по мартовским ставкам. На той же почве – брожение работников Главпочтамта и Телефонной станции. Ликвидировано выдачей жалования.

Апрель

Телефонная станция – забастовка из-за невыдачи жалования к Пасхе и невыдачи продовольствия. Ликвидирована выдачей жалования.

Май

Центральный телеграф – сильное брожение мастеров из-за невыдачи жалования за первую половину мая и большой платы за паек. Ликвидирована выдачей жалования за май полностью и пайка за апрель.

Сентябрь

Среди работников Нарсвязи – недовольство на почве тяжелого материального положения приняло политический оттенок, что в особенности выявилось на общем собрании работников Центеля 18 сентября при обсуждении вопросов: о соцстраховании, 4-м губсъезде [профсоюза] связи, о кассах взаимопомощи и больше всего по вопросу об аресте одного механика. Речь выступавшего по этому пункту механика сопровождалась шумными, сочувственными аплодисментами.

И даже газета «Правда», официальный орган компартии, затронула тему недовольства рабочих – в критической статье, посвященной обзору сообщений рабочих корреспондентов стенгазеты московского завода «Серп и молот».

Даже в юбилейном октябрьском номере (18-й) стенная газетка завода «Серп и молот» не сочла неуместным писать о беде с получкой. Тут мы читаем:

«Легче рабочему через весь завод перепрыгнуть, чем узнать, когда и за что с него удерживают... Эй, завком, – взывает газетка, – приналяг-ка на заводоуправление! Каждый рабочий имеет право перед получкой видеть цифры либо в расчетной книжке, либо в таблице, вывешенном на доске».

Но этой жалобой газетка еще не исчерпывает общей картины выплаты полочки.

В предыдущем 17-м номере писалось:

«Одиннадцать часов в очереди. Если начинается выдача денег после работы, то кончается в 5 часов утра. Это потому, что заводоуправление экономит на дополнительном раздатчике, давая всего одного на огромный цех».

Перед мною несколько не использованных еще редакцией заметок рабочих. В одной из них работница рассказывает довольно картинно о характерном явлении запаздывания выплаты:

«Дома у рабочих дня за три до полочки – зубы на полке. Дети домой забегают только на ночь – днем все равно ничего не получишь. Жена, скучая и от безделья, и от голода, уныло бродит по дому. Но рабочий терпеливо выжидает законного срока, помалкивает. Но если полочка в срок не вышла, терпение рабочего лопається и с шумом, словно вскипевший котел, бросают цеха своих представителей в заводоуправление: “Когда будут давать? Завтраками кормите... Денег нет?.. Нужно запастись заранее”. Рабочие в крайности... А в цехах, сходясь группами, рабочие почесывают затылки и, хмурясь, ворчат: “За три дня теряешь столько, чай, больше тыщи”».

В другой заметочке говорится о новом методе, вошедшем недавно в практику на заводе и очень донимающем рабочих. Во избежание траты рабочего времени на получку в рабочие часы правление завода стало подгонять сроки выдачи к вечеру субботы:

«С двух часов в субботу, – пишет рабкор, – простаиваешь до 12 ночи, теряя на получку свой субботний отдых».

В третьей заметочке рабочий вспоминает трагедию отпускной получки:

«В субботу очередь стала с двух часов, но раздача началась с девяти. Рабочие, проживающие поблизости, успели сбегать домой позаправиться, живущие далеко ожидали впроголодь. Были приехавшие из деревень. Отпуск получили они 1-го [числа] и ушли без денег, а 7-го обещали выдать. Долгая стоянка в череду действовала утомительно: одни уснули, сидя; другие, растянувшись прямо на грязном полу, отлеживали уставшее тело; третьи, махнув рукой, ушли от муки, откладывая ее на завтра, на послезавтра. У всех лица утомленные, грязные. Раздача в этот день закончилась в 6 часов утра. Многие после этого не вышли на работу».

Мне кажется довольно этих нескольких иллюстраций, чтобы видеть полную картину и экономических и бытовых неудобств от беспорядочной постановки расплаты. Расплату нужно упорядочить, и в этом трест должен себя подтянуть. Его «хозрасчетные» выгоды от задержки жалования рабочим, хотя бы на часы, не рекомендуют его как хозяина. Особенно плоха затяжка выплаты по субботам.

«Перестройка социалистического хозяйства», предпринятая в СССР во второй половине 1980-х годов, во многом напоминала – конечно, с поправкой на иной технический уровень и иные общественные отношения – переход от военного коммунизма к НЭПу, и несложно обнаружить общее в чертах «нэпманов», какими тех описывали современники, и «новых русских», этих героев перестроечных анекдотов. Не подлежит сомнению, что НЭП позволил восстановить разрушенную экономику и укрепил позиции новой власти, однако довольно быстро эту политику признали «политически вредной» и свернули ее реализацию.

Что касается культуры, здесь, как и в экономике, новое государство во многом еще опиралось на прежние достижения и даже допускало известные идеологические послабления: еще существовала возможность создания литературных группировок, окончательно упраздненных с появлением единого Союза писателей, в Петрограде возникла литературная группа «Серапиевы братья», развивалась «формальная школа» в критике (Ю. Н. Тынянов, Б. Н. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский), в противовес им начал выходить журнал «Красная новь» под редакцией большевика А. К. Воронского, в котором могли печататься «попутчики», т. е. некоммунистические писатели. Начавшиеся в 1900-е годы авангардистские преобразования в России продолжались вплоть до 1930-х годов и коснулись практически всех направлений – живописи (К. С. Малевич, В. В. Кандинский, М. Ф. Ларионов, Н. Н. Гончарова, П. Н. Филонов и др.), музыки (М. В. Матюшин, И. Ф. Стравинский), театра (В. Э. Мейерхольд, Е. Б. Вахтангов), литературы (В. Хлебников, А. А. Крученых, В. В. Маяковский и др.), балета (постановки М. М. Фокина, В. Ф. Нижинского). Чуть позже (1925–1928 годы) появились такие маргинальные для советской культуры сочинения русских писателей о гражданской войне, как «Белая гвардия» М. А. Булгакова, «Конармия» И. Э. Бабеля, «Тихий Дон» М. А. Шолохова.

Образование СССР, 1922 год

Анастас Микоян, «Пропагандист и агитатор РККА»

После октябрьской революции страна называлась Российской Советской Республикой, или Советской Россией, а конституция 1918 года закрепила за государством название Российской Советская Федеративная Социалистическая Республика – РСФСР; при этом признавалось, что страна существует как «свободный союз свободных наций».

Тридцатого декабря 1922 года на конференции делегаций съездов Советов России, Украины, Белоруссии и Закавказской Республики (Грузия, Армения и Азербайджан) было принято решение об объединении четырех республик в новое федеративное государство – Союз Советских Социалистических Республик, СССР, иначе Советский Союз.

Непосредственное участие в подготовке к созданию нового государства принимал будущий «сталинский нарком» (возглавлял наркоматы снабжения, пищевой промышленности, затем внешней торговли), большевик с немалым стажем А. И. Микоян.

30 декабря 1922 г. является знаменательной исторической датой, заложившей фундамент Союза Советских Социалистических Республик.

Многие месяцы шла кропотливая работа по выработке форм и основ объединения разрозненных до того советских республик. Центральный Комитет партии в октябре 1922 г. единодушно принял ленинское предложение. Оно заключалось в том, чтобы не вовлекать другие республики в состав РСФСР, а, наоборот, создать новое союзное государство, в которое вошли бы на равных правах все четыре существовавшие тогда советские республики: Российская Федерация, Украина, Белоруссия и Закавказская Федерация, включавшая в себя Грузинскую, Азербайджанскую и Армянскую советские республики.

На состоявшихся на местах в республиках партийных конференциях, пленумах ЦК обсуждались принципы и основы нового государственного образования. Вопрос этот согласовывался с республиками в предварительном порядке и было достигнуто полное согласие по вопросам, связанным с образованием СССР.

Вечером 23 декабря 1922 г. в Большом театре собрался X Всероссийский съезд Советов. Я был его делегатом от Кубано-Черноморской области. На съезд прибыло свыше двух тысяч делегатов с решающим и совещательным голосами. Здесь впервые находились делегаты с Дальнего Востока, откуда недавно был изгнан последний интервент.

Все мы с нетерпением ждали выступления Ленина. Но врачи категорически запретили ему выступать. Съезд открыл Калинин. С докладом об образовании Союза ССР выступил Сталин.

Сталин огласил проект резолюции, одобренный Президиумом ВЦИК и включающий те положения, которые были приняты съездами других республик: добровольность и равноправие республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из Союза и полное обеспечение интересов национального развития народов договаривающихся республик.

27 декабря 1922 г. X Всероссийский съезд Советов единодушно принял предложенное Президиумом ВЦИК постановление об образовании СССР.

29 декабря в Москве собралась конференция полномочных делегаций Российской Федерации, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации. Они обсудили и одобрили проекты Декларации и Договора об образовании СССР, а также порядок работы I Всесоюзного съезда Советов.

30 декабря 1922 г. в Большом театре в Москве I Всесоюзный съезд Советов провозгласил образование Союза Советских Социалистических Республик – СССР.

Съезд избрал верховный орган Союза СССР – Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) СССР, в состав которого вошел 371 депутат от всех объединившихся республик... На состоявшейся тут же первой сессии ЦИК были избраны четыре его председателя (по числу объединившихся союзных республик, как и предлагал сделать Ленин): М. И. Калинин (РСФСР), Г. И. Петровский (УССР), Н. Н. Нариманов (ЗСФСР) и А. Г. Червяков (БССР).

Царившие в обществе той поры настроения отлично передает заметка из газеты «Пропагандист и агитатор РККА» за авторством полкового комиссара А. Лопатенко. Поскольку она написана несколько позже, в ней упоминаются и последующие события, а также много говорится о ведущей роли И. В. Сталина, но в целом эта заметка – замечательная иллюстрация эпохи, со всеми ее плюсами и минусами.

Величайшим достижением большевистской партии и советской власти в проведении ленинско-сталинской национальной политики является создание на территории бывшей царской России советских социалистических национальных республик и образование СССР – великого братства народов.

«В октябре 1917 года, когда у нас развернулась великая пролетарская революция, когда мы свергли царя, помещиков и капиталистов, великий Ленин, наш учитель, наш отец и воспитатель сказал, что не должно быть отныне ни господствующих, ни подчиненных народов, что народы должны быть равными и свободными. Этим он похоронил в гроб старую царскую, буржуазную политику и провозгласил новую, большевистскую политику – политику дружбы, политику братства между народами нашей страны» (Сталин. Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана).

Образование советских социалистических братских республик шло вместе с победой социалистической революции, вместе с установлением советской власти на окраинах. <...>

Под руководством партии Ленина – Сталина в ходе гражданской войны были разгромлены и изгнаны с советской земли грузинские меньшевики, армянские дашнаки, азербайджанские муссаватисты и их хозяева – английские, французские и другие империалисты. Вся эта контрреволюционная нечисть стремилась навязать вольнолюбивым народам Закавказья ярмо империализма и несла с собой невиданный гнет, разорение и эксплуатацию для широких трудящихся масс.

В апреле 1920 года была установлена советская власть в Азербайджане и образована Азербайджанская ССР.

В ноябре 1920 года установлена советская власть в Армении и образована Армянская ССР.

В феврале 1921 года установлена советская власть в Грузии и образована Грузинская ССР.

По инициативе Ленина и Сталина, под их непосредственным руководством и при самом активном участии товарищей Кирова, Орджоникидзе и Микояна 12 марта 1922 года была образована Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

Против создания Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики выступили грузинские национал-уклонисты. «Национал-уклонисты были против создания Закавказской федерации, против укрепления дружбы народов Закавказья. Уклонисты вели себя по отношению к другим национальностям в Грузии, как настоящие великодержавные шовинисты. Они выселяли из Тифлиса всех негрузин, особенно армян, издали закон, по которому грузинка, выходя замуж за негрузина, теряла грузинское гражданство. Грузинских национал-уклонистов поддерживали Троцкий, Радек, Бухарин, Скрыганик, Раковский» («Краткий курс истории ВКП(б)»).

Под руководством Ленина и Сталина партия большевиков разоблачила и разгромила грузинских национал-уклонистов и их союзников – троцкистов и бухаринцев.

Создание ЗСФСР сыграло огромную роль в деле уничтожения национальной розни, установления дружбы между народами, восстановления и подъема народного хозяйства в республиках Закавказья. <...>

Советские республики, возникшие в результате Великой Октябрьской социалистической революции вне РСФСР, с первых же дней своего существования стремились к более тесному союзу и сотрудничеству с ней.

18 мая 1919 года ЦИК УССР обратился к советским республикам с предложением объединить все материальные средства, необходимые для ведения борьбы в защиту советской власти.

В результате договора, заключенного между РСФСР, УССР и БССР ВЦИК РСФСР опубликовал постановление об объединении советских республик – России, Украины и Белоруссии – для борьбы против империализма. <...>

Под руководством ленинско-сталинской партии в ожесточенной гражданской войне окреп и закалился боевой союз рабочих и крестьян разных национальностей, сложилась и выросла великая дружба народов нашей социалистической родины.

Руководимая великими стратегами пролетарской революции Лениным и Сталиным, Красная Армия, армия многонационального советского народа, разгромила силы внутренней контрреволюции и мирового империализма и выбросила их с советской земли. <...>

Разгром сил внутренней контрреволюции и международного империализма и очищение нашей страны от интервентов обеспечили возможность перехода к мирному строительству социализма у нас в стране.

Задачи строительства социализма, дальнейшего укрепления обороны страны и всестороннего развития всех национальностей нашей родины требовали более тесного союза всех народов нашей страны.

«Теперь, когда вся территория Советской страны была очищена от интервентов, а задачи строительства социализма и обороны страны требовали дальнейшего укрепления союза народов Советской страны, на очереди встал вопрос о более тесном объединении Советских республик в едином государственном союзе. Надо было объединить все народные силы для строительства социализма. Надо было организовать крепкую оборону страны. Надо было обеспечить всестороннее развитие всех национальностей нашей родины. Для этой цели необходимо было еще больше сблизить все народы Советской страны» («Краткий курс истории ВКП(б)»).

В середине 1922 года по инициативе Закавказских республик во всех советских республиках была развернута широкая агитационно-пропагандистская работа за создание Союза Советских Социалистических Республик. Очередные съезды ЗСФСР, УССР и БССР, состоявшиеся в декабре 1922 года, вынесли решение об объединении советских социалистических республик.

В конце декабря 1922 года состоялся X Всероссийский съезд Советов, на котором 26 декабря с докладом об объединении советских республик выступил товарищ Сталин. С исключительной яркостью и глубиной показал товарищ Сталин обстоятельства, определяющие необходимость объединения советских республик в одно союзное государство, и указал основы договора об объединении братских советских республик. Товарищ Сталин указал, что три группы обстоятельств определили неизбежность объединения советских республик в одно союзное государство. <...>

30 декабря 1922 года состоялся I съезд Советов СССР. Съезд заслушал доклад товарища Сталина об объединении советских республик. Этот день был днем величайшей радости и подъема трудящихся масс Советского Союза и мирового пролетариата. <...>

Создание СССР имело величайшее мировое историческое значение. Характеризуя значение образования СССР, товарищ Сталин в своем докладе на этом съезде говорил:

«Сегодняшний день является днем торжества новой России, разбившей цепи национального угнетения, организовавшей победу над капиталом, создавшей диктатуру пролетариата, разбудившей народы Востока, вдохновляющей рабочих Запада, превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы объединить их в одно государство, в Союз Советских Социалистических Республик, прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики».

Новая страна постепенно обрела собственную атрибутику: государственный флаг – красное поле с белым прямоугольником, включавшим в себя красные серп и молот, по конституции 1936 года флаг приобрел окончательный вид – красное поле с золотыми серпом и молотом и пятиконечной звездой над ними в левом верхнем углу; государственный герб – солнце и земной шар в обрамлении колосьев и лент по числу республик (первоначально лента было всего 6), в сочетании с девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; государственный гимн – причем до 1943 года формально гимна у СССР не было, таковым считался «Интернационал», однако официально он не был утвержден. В ночь на 1 января 1944 года состоялось первое исполнение официального гимна (слова С. В. Михалкова, музыка Г. А. Эль-Регистана; исходный вариант – «Гимн партии большевиков» А. В. Александрова и В. И. Лебедева-Кумача), текст которого накрепко отпечатался в памяти всех, кому довелось родиться в Советском Союзе:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз.
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина, сила народная,
Нас к торжеству коммунизма ведет.

После 1956 года гимн исполнялся без слов, поскольку его текст содержал упоминания о Сталине. В 1977 году поэт С. В. Михалков сочинил новый текст, уже «без Сталина». В 2000 году бывший гимн СССР, в новой редакции, текст которой написал все тот же С. В. Михалков, был принят в качестве государственного гимна России.

«Весь мусульманский пролетариат»: национальная политика, 1922–1939 годы Емельян Козловский, Мустафа Чокай

В 1924 году в составе СССР появились новые республики – Туркменская и Узбекская (включая Таджикистан) ССР, образованные вместо Хорезмской и Бухарской республик, входивших в РСФСР. В царские времена эти территории принадлежали Хивинскому ханству в составе Туркестанского края.

После революции сопротивление советской власти в этих местах было весьма ожесточенным – отряды басмачей (партизан) действовали практически по всей Средней Азии; население поддерживало басмачей, не в последнюю очередь из-за того, что «комиссары» бесцеремонно ломали вековой уклад жизни и запрещали исповедовать ислам.

Центрами басмаческого движения были Ферганская долина, Хорезм и Бухара. Военный публицист Е. Козловский рассказывал о победе РККА над басмачами в Хорезме :

Неограниченная бесконтрольная власть хивинского хана над жизнью и смертью его подданных, произвол насилия и грабежи со стороны чиновников, полное бесправие, – вот те условия, в которых жило трудовое население Хивы. Осложнялось положение еще национальной враждой, которая существовала между узбеками (около 60% населения) и туркменами (25%).

Главной причиной вражды было неравномерное распределение земли и воды. Туркмены, при переходе к полuosедлой или оседлой жизни, вынуждены были селиться на земельных участках на границе культурной полосы с песками; на участках, расположенных на конце оросительной сети, где воды не доставало или она часто попадала с запозданием. Многие земельные участки пользовались сбросовыми, случайными водами. Лучшие земли оказались занятыми давно оседлыми узбеками, в их же руках оказались головы оросительных каналов (арыков). <...>

С момента перехода власти в руки Советов, русские части оставили пределы Хивинского ханства. Этим воспользовался один из туркменских вождей (из племени иомудов) Магомет Курбан Сер-дар Джунаид-хан, еще раньше завоевавший симпатии туркмен своей многолетней борьбой против хивинского хана. Явившись с отрядом в Хиву, Джунаид-хан убил Асфендиар-хана и посадил на его место дядю убитого – Сеида Абдуллу. За последним сохранилась только номинальная власть, фактически всем стал распоряжаться Джунаид-хан.

Главенствовать начали экономически ущемленные дотоле туркмены, и это сказалось в целом ряде насилий по отношению к узбекам. Попытки узбеков выступить против туркмен ни к чему не приводили в силу их неорганизованности и отсутствия оружия.

Около двух лет длилась диктатура Джунаид-хана. Целым рядом жестокостей он вскоре восстановил против себя не только узбекскую, но и туркменскую часть населения. Массы отшатнулись от него и начали сорганизовываться вокруг вождей Кош-Мамеда и Гулям-Али-хана. Туркмены, группирующиеся вокруг Кош-Мамеда и Гулям-Али-хана, заблокировались с узбекской оппозицией... Чувствуя невозможность справиться с Джунаид-ханом своими силами, представители туркмен обратились за помощью к Советской власти.

Джунаид же попытался заключить союз с белогвардейцами Чимбайского участка и выступил против красных отрядов на правом берегу реки Аму-Дарьи. <...>

Когда гарнизоны старой армии разложились и разбежались, русское население Хивинского и Аму-Дарьинского районов не раз подвергалось нападениям со стороны мелких разбойнических шаек. Начали создаваться отряды из местных жителей с целью самообороны. Главным центром ее стал гор. Петро-Александровск... В целях усиления защиты Аму-Дарьинского

района в начале 1919 года из местных уральских казаков был сформирован Уральский казачий полк в составе 3 сотен... С приближением Оренбургского фронта к станции Аральское море среди казаков 3-й сотни началось брожение и даже открытая агитация против Советской власти. С целью выяснения положения из Петро-Александровска была отправлена в Чимбай чрезвычайная комиссия, которая, прибыв на место и разобравшись со всем происходившим, приняла решение разоружить 3-ю сотню. Но выполнить этого не удалось.

14 августа произошло открытое восстание казаков, которые арестовали прибывшую комиссию. Вслед за этим восставшие бросились навстречу красноармейскому отряду, который был вызван комиссией, и разоружили его, затем осадили укрепление Нукус и захватили находившийся в нем гарнизон. По овладении районом Чимбай – Нукус часть казаков переправилась на остров Муйнак в Аральском море и разоружила охранявшую остров партийную дружину.

Первая экспедиция, предпринятая для ликвидации вспыхнувшего бунта, закончилась отходом красных частей на свою базу – Петро-Александровск. Частично наш неуспех объясняется и помощью, оказанной мятежникам со стороны иомудов.

В начале ноября окончательно оформилась связь повстанцев с Джунаид-ханом.

Совместными усилиями противник задержал наше второе наступление до конца декабря.

С помощью подкрепления, прибывшего из Чарджуя, красные части, 25 декабря форсировав под огнем Аму-Дарью, вышли на левый хивинский берег. Быстрым движением вперед был занят г. Новый Ургенч. Противник, в течение 2 дней, вел ожесточенный бой, стремясь вновь захватить город, но понес большие потери и отступил.

Начатые одновременно боевые действия в районе Нукуса отдали в наши руки ряд городов.

К красным бойцам присоединилась конница Кош-Мамед-хана, имевшего около 500 сабель.

В рядах восставших казаков начала сказываться усталость, которая привела к отказу от поддержки авантюры Джунаида.

9 февраля 1920 года командованием был заключен мирный договор с казаками и каракалпаками, по которому казаки сдали оружие и приняли на себя обязательство защиты правого берега Аму-Дарьи от нападений иомудов.

Оставшись без поддержки, Джунаид-хан был разбит под Батыр-Кентом 29 февраля 1920 года и бежал в пески, а отряд его частью был уничтожен, частью разбредся по домам.

Красная армия твердо придерживалась политики невмешательства во внутрививинские дела, стремясь не нарушить принцип самоопределения народа. Действия Красной армии были направлены против белогвардейцев Чимбайского фронта. Только нападения Джунаид-хана вынудили Красную армию выступить против него. <...>

В Хиве произошел переворот. Но Красная армия не принимала по-прежнему никакого непосредственного политического участия в разворачивающихся событиях.

После переворота и бегства Джунаид-хана во главе государства встало Временное правительство... Первой его задачей была организация армии, и, по соглашению с представителем Российской Республики в Хиве, все хивинские подданные красноармейцы, состоявшие в наших рядах, послужили начальным ядром для дальнейшей организации хивинских отрядов Красной армии... В Хиве зародилась коммунистическая партия, которая быстро привлекла к себе симпатии масс. Временное же правительство, пытаясь удержать власть, сеяло провокационные слухи о коммунистах и разжигало национальную вражду.

5-го марта был проведен многотысячный митинг, на котором... возмущенные толпы дехкан бросились на назиров (министров) и едва не расправились с ними самосудом. От смерти членов Вр. правительства спасло только вмешательство красноармейцев. Власть перешла в руки Революционного Комитета Хорезмской Республики. <...>

С Джунаид-ханом были начаты мирные переговоры, но он вел себя так, что было выдвинуто требование о немедленном его разоружении. Очевидно подготовленный к подобному исходу дел, Джунаид-хан со своим конвоем (около 70–80 человек) внезапно, во время обсуждения договора, открыл огонь по нашему отряду (ок. 20 чел.), убив 12 чел., в том числе и командира отряда, и бежал в пески. Через некоторое время, по полученным сведениям, Джунаид был замечен в районе Курганчик, где, выдав вооружение (до 50 винтовок) племени мешериков, поднял его против дружественного нам племени иомудов Кош-Мамед-хана. Начавшиеся грабежи пограничной с песками полосы вынудили наше командование нарядить отряд для поимки Джунаида. <...>

Быстро добиться решительного успеха в борьбе с Джунаид-ханом было трудно, если не невозможно. Условия Хорезма с песчаными пустынями, высокой даже для Туркестана температурой и острым недостатком воды мешали проведению каких-либо крупных операций. Имевшиеся в небольшом количестве колодцы басмачи не раз скрывали от наших бойцов, искусно затягивая водоемы кошмами и насыпая их сверху песком. Но решительный отпор, который встречал Джунаид-хан от наших гарнизонов при его налетах на кишлаки, заставил туркменские шайки держаться более или менее пассивно, скрываясь при малейшем нажиме в пески и тщательно замата за собой всякий след.

В ноябре месяце Хорезмское правительство попыталось вступить с Джунаид-ханом в мирные переговоры, но последний письменно заявил, что он не прекратит борьбы с Советской властью и большевиками. <...>

В конце января басмачи, силою до полторы тысячи человек, наступая с 3-х сторон, пытались захватить Хиву открытой атакой. Гарнизон Хивы, усиленный мобилизованными партийными, комсомольскими, профессиональными организациями и европейским населением (которому в случае падения города грозила поголовная гибель), вступил в напряженный бой, закончившийся отходом атакующих. Джунаид-хан переменил свой образ действий, обложил Хиву со всех сторон и повел правильную осаду.

Командованием Туркфронтом на поддержку осажденным была брошена конная группа... Двигавшуюся колонну вскоре нагнал вылетевший на самолете из Ташкента командир 2-й стрелковой дивизии т. Кутяков. Задачей, поставленной ему командованием, было проникнуть в осажденную Хиву и принять на себя руководство действиями находившегося в ней гарнизона. Сбросив отряду вымпел с приказанием двигаться возможно скорее, тов. Кутяков пролетел вперед.

Первое столкновение кавотряда с противником произошло в районе Садывара, куда Джунаид-хан выбросил до 600 сабель навстречу движению наших частей. Ожесточенный бой вылился в ряд атак с обеих сторон, которые прекратились только с наступлением ночи. На рассвете наши части опрокинули басмачей и двинулись с боем вперед. Нападая то справа, то слева, то открывая внезапный огонь и затем скрываясь, шайки противника пытались задержать наше движение. Под Питняком, на линии магистрального арыка (Палван-Арык) басмачи решили дать главный отпор нашим частям. Заняв в три линии арыки и каналы, басмачи отбивали метким прицельным огнем наши попытки продвинуться вперед, неоднократно переходя в бешеные атаки.

Бой длился с 14 часов до позднего вечера. Наступая с фронта развернутым пулеметным эскадроном и имея часть отряда уступом впереди для охраны своего правого фланга, командующий группой выслал 2 сабельных эскадрона в глубокий обход для того, чтобы отрезать противнику возможность отойти. Но наступившая темнота и знание местности помогли басмачам скрыться. На поле боя оставили около 300 трупов и много оружия.

На следующий же день движение кав. отряда вперед продолжалось. Был занят Питняк. Пришлось на пути выдержать еще ряд мелких схваток. <...>

Решающее значение в этой операции имел описанный бой под Питняком, после которого Джунаид-хан, узнав о его результате, снял осаду Хивы и отошел. Не давая врагу времени собраться с силами, наши части предприняли экспедицию по его следам. <...>

Джунаид оставил пределы Хивинского оазиса и скрылся в пески, но наши части продолжали преследовать его и там. Ряд успешных боев, в которых большую роль сыграла наша авиация, вынудили Джунаид-хана оставить Хиву и скрыться в Туркменскую область. Рассчитывать на поддержку туркменского басмачества Джунаид-хан не мог, ибо оно, достигнув в 1922 году значительных размеров, стихло под ударами красных бойцов, причем объединенными усилиями соворганов и милиции были ликвидированы оставшиеся мелкие шайки.

К концу марта наши части, пройдя с боями безводные песчаные пустыни, вышли на станцию Кизыл-Арват и этим закончили операцию.

Осознав свое бессилие, Джунаид-хан прислал на первый Всетуркменский съезд своих представителей, с изъявлением покорности и согласием на установление мирных отношений. Ему удалось выговорить себе льготные условия существования. Но, «как волка ни корми, он все в лес глядит», – воспользовавшись предоставленной свободой, Джунаид повел постепенную подготовку к дальнейшей борьбе. От предложенной ему возможности перейти к оседлому образу жизни, занявшись мирным трудом в культурной полосе Хорезма, он отказался и ушел в пески. Не раз приковывал он внимание Соввласти своим вызывающим поведением. Наконец, в декабре 1927 года, «король песков» внезапным налетом снова положил начало вооруженному выступлению, но, зажатый в тиски, согнанный со своих становищ, Джунаид потерял в боях с доблестной красной конницей своих джигитов. Погибли в стычках и два его сына. Преследуемая по пятам кавалерией и авиацией Джунаидовская шайка перестала существовать, разбегаясь и сдаваясь нашим частям.

Преодолевая всевозможные препятствия, совершая беспримерные переходы по безводным пескам, стойко перенося лишения, наши кавалерийские полки рядом ударов вынудили «короля песков» признать, что его могуществу над пустыней приходит конец.

(Наше поколение привыкло представлять себе борьбу с басмачами по замечательному фильму В. А. Мотыля «Белое солнце пустыни», первому советскому «остерну» – в противовес вестернам, – однако на самом деле ситуация в Средней Азии была намного сложнее, чем показано в фильме.)

Российская империя была страной многонациональной, и революционеры, поначалу полагавшие, что государство победившего пролетариата будет, как учил Маркс, унитарным, то есть единой нацией, со временем осознали: единственно возможной формой государственного устройства новой страны является федерация. Правда, предполагалось, что национальные республики будут автономными в составе России, однако по настоянию Ленина партия признала, что все члены федерации должны быть равноправными.

Впрочем, на местах национальный вопрос решался по-разному, о чем свидетельствуют, например, записки М. Чокая, идеолога «свободного Туркестана».

По существу не было никакой надобности в этой дорогостоящей поездке в далекий Туркестан, чтобы высказать святыне для всех большевизанствующих истины: в стране советов все хорошо, особенно же безукоризненна национальная политика советской власти. Ведь все коммунисты всех стран заранее убеждены, что в Советском Союзе все народы воодушевлены чувством братской солидарности, что «Советский Союз основан на братском добровольном сожительстве национально свободных советских республик...» Повторяю, что для высказывания мнений, подобных мнениям гг. Шемино, Гаши и др. о туркестанских республиках, не было решительно никакой надобности в этой поездке. То же самое они могли высказать и написать, сидя во Франции. И нужные им справки могло доставить любое советское представи-

тельство в Европе... Вот пример того, что французам не надо было ездить и «видеть все своими глазами». Французские делегаты проехали без остановок через советский Казахстан, если не считать остановки везшего их поезда на несколько минут (около часу ночи) на ст. Кзыл-Орда. Там они успели обменяться официальными приветствиями и получить из рук представителя революционного профсоюза Казахстана Азьмухана Корамыс-оглы альбомы. И этого было достаточно, чтобы гости «убедились» в революционных достижениях Казахстана и пришли в дикий восторг и умиление от условий жизни трудящихся масс и пролетариата этой «счастливейшей в мире» республики. Французские делегаты настолько поражены достижениями сов. Казахстана, что дали себе зарок «идти его дорогой» и твердо решили добиться и во Франции тех же условий культурной жизни и труда, в которых живут и работают «счастливые казахи». Так именно и сказано в «письме французских рабочих к трудящимся Казахстана», опубликованном за подписями всех членов делегации в номере... главной партийно-правительственной газеты «Энбекши Казах».

Мне хотелось бы поделиться сведениями по поводу тех самых достижений советской национальной политики в Туркестане, которые привели в такой восторг делегатов французской коммунистической партии... Этим я исполняю не только долг туркестанца, но и прямое поручение моих соотечественников, обратившихся ко мне с настойчивой просьбой ответить на «личные впечатления» французских гостей московского правительства. <...>

Позвольте... привести простые слова бесхитростного «бедняка-мусульманина», оглашенные 5 июня 1919 г. на заседании 3-го краевого съезда коммунистической партии Туркестана в Ташкенте. Там мы читаем: «Мы, бедные мусульмане, как находились при Николае Кровавом скотиною, так находимся и теперь при нынешнем пролетарском правительстве. И даже хуже, хотя не сопротивлялись советской власти. Представители власти объявили, что они будут бороться с капиталистами, и под этим предлогом начали обирать и наживать в свои карманы. Один бедный пролетарий имел лошадь и арбу, занимался извозом и тем кормил семью. Приходит красноармеец и отбирает лошадь без всякой оплаты. И бедняк с семьей остается голодный на произвол судьбы. Под предлогом, что будут обирать баев (богатых), обообрали всех, все 84-тысячное население города (Намангана). Конфисковали весь наманганский товар, до замков включительно... Представители власти только и делали, что защищали своих русских, хорошо их кормили, хорошо обували, дома свои разукрашивали чужими шелковыми материями и другими драгоценностями. А нам, мусульманам, что сделали? Кормили? Нет! Обували? Нет! Если бы обували, не ходили бы мы, бедные, босыми. Если бы кормили, не умирали бы по 1000–10 000 голодными. Что осталось в наших домах? Остались одни рваные одеяла. Больше ничего!..»

Что этот бедняк-туркестанец не преувеличивал своего национального горя, своего «скотского положения» под советской властью, свидетельствует и сам тогдашний председатель совета народных комиссаров Туркестана, русский большевик Сорокин, ездивший по поручению своего правительства в Ферганскую область. «От мусульман отбирают все, и не только отбирают, но и убивают их. Наши солдаты вместо защиты несут грабежи и убийства... В кишлаках (туземных селах) население терроризировано и бежит. Растут шайки разбойников. Но, может быть, возразит кто-нибудь, что это-де не партия, а красная армия чинит насилия. Но партия стоит во главе. Во главе всех партийных органов власти стоят партийные товарищи, но они не принимают никаких мер для улучшения положения. Под их покровительством всюду процветают пьянство и безобразия, и, конечно, партия несет на себе вину за это. Мусульманский пролетариат просит помощи у русских, но те отвечают, что не доверяют им. Мусульман травят, мусульман даже убивают. Мусульманская беднота терпит от наших отрядов, уничтожавших без разбору (их) имущество, женщин и детей... Мусульмане – националисты, и вполне понятно, каким образом они могут относиться к нам дружески, когда видят столько оскорбления? Мы сами делаем их националистами...»

Турар Рыскулов (заместитель председателя Совнаркома УССР, автор книги «Революция и коренное население Туркестана», выпущенной в 1925 году. – *Ред.*) свидетельствует, что один «из заслуженных руководителей Октябрьского переворота в Туркестане Тоболин на заседании Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета заявил прямо, что киргизы (казахи), как экономически слабые, с точки зрения марксистов все равно должны будут вымереть. Поэтому для революции важнее тратить средства не на борьбу с голодом, а на поддержку лучше фронтов. Количество умерших от голода (мусульман), – говорит Рыскулов, – исчисляется в огромных размерах...» Но цифр он не приводит. Советские источники (1919) называли кошмарную цифру в один миллион сто четырнадцать тысяч... Таков наш национальный пассив от московской «национально-освободительной политики». А вот «советский актив». «Можно сказать, – пишет Т. Рыскулов, – что погибшие люди спасли советскую власть, так как если бы они, эти миллионы голодающих... пришли и потребовали своей доли, то они не оставили бы камня на камне и перевернули бы все... Поэтому приходится признаться, что хотя мы их и не накормили, но они спасли общее положение...»

Я хочу вскользь остановиться на двух важнейших реформах советской власти в Ташкенте – на земельной реформе и на борьбе против закрытия женского лица. Прошло три года, как проведена была земельная реформа, «передавшая земли помещиков в руки малоземельной и безземельной бедноты»... Упомянутый уже не раз мною Турар Рыскулов рассказывал на страницах московской «Правды», что «летом 1920 года Ленин попытывался узнать от него, кого в туркестанских условиях можно называть крестьянином-бедняком, кого кулаком и на чем зиждется разрешение земельного вопроса» (в Туркестане)... И Турар Рыскулов, по его собственному признанию, «не мог по-марксистски точно дать ответ на вопросы Владимира Ильича»... С тех пор прошло много времени. Советская власть, если судить по ее реляциям, научилась «по-марксистски точно определять туркестанского крестьянина», установила его родовые и видовые признаки и нашла соответствующее ему место в системе марксистской классификации. Следовательно, найдено, «на чем именно зиждется разрешение земельного вопроса» в Туркестане. И провела эту самую земельную реформу «по Марксу», предварительно получив «фетву», т. е. духовную санкцию, мусульманского духовенства.

«Фетва» ташкентского (центрального) духовного управления, «фетва» ферганских, бухарских, самаркандских «улема» (ученые богословы) обращались к имущим мусульманам с разъяснением, что безвозмездная передача земли в руки беднейших – есть дело богоугодное, что земельная реформа советской власти не противоречит шариату, и призывали их добровольно, во имя мусульманского братства, отказаться от излишков своих участков в пользу неимущих братьев. И это возымело огромное действие. Десятками и сотнями стали поступать заявления о добровольном отказе от земельных участков. Были, конечно, и скрытые сопротивления. Но в общем земельная реформа... прошла спокойно. Имевшие место эксцессы столь незначительны, что в счет они идти не могут.

И поразительная вещь. Если советская власть удержалась в европейской России только благодаря удовлетворению земельного запроса русского крестьянства, то в Туркестане... с передачей земли в руки крестьянства внутреннее беспокойство советской власти нисколько не уменьшилось, и советская власть вынуждена зорко следить за тем, чтобы получившая землю туркестанская беднота не передала ее обратно прежним владельцам! Накануне празднования десятилетия Октября, в сентябре 1927 г., официальный орган Средне-Азиатского Бюро ЦК ВКП «За партию» приводил ряд случаев добровольного отказа крестьян-туркестанцев от полученных ими участков в пользу прежних хозяев... Иногда получивший землю крестьянин приходил к быв. хозяину участка с извинениями: «Я не виноват, что наделен землею»... Чем объяснить, что поддерживаемое всей мощью советской власти многомиллионное узбекское крестьянство идет с извинениями к побежденному «классовому врагу» – своему б. помещику?... Начать с того, что новый туркестанский мелкий землевладелец в большинстве случаев

или вовсе не снабжен или снабжен в крайне малой степени необходимым сельскохозяйственным инвентарем... Путем выдачи авансов в счет будущего урожая советское правительство вынуждает мелкого маломощного землевладельца засеивать свой участок исключительно хлопком. Уже в истекшем 1927 году площадь хлопководства в Туркестане превзошла довоенную норму, между тем как скотоводство, составляющее наряду с хлопком важнейшую отрасль среднеазиатского хозяйства, еще далеко не достигло прежнего своего уровня. Отсюда происходит небывалая до сих пор зависимость Туркестана, именно коренного населения (ибо хлопководством занимается исключительно только оно), от ввозного русского хлеба. Невыполнение советским правительством плана завоза хлеба, ставшее постоянным, нормальным явлением, вызывает сильное повышение хлебных цен, и крестьянин-хлопкороб не получает законного эквивалента за свой хлопок. С другой стороны, не вся отобранная от имущих земля переходит в руки туземной бедноты. Часть, и весьма значительная, остается в «государственном фонде», откуда преимущественное право на получение земельного надела остается за красноармейцами, как за «защитниками революции». Не стану повторять, какую революцию и как защищали красноармейцы в Туркестане. Процент красноармейцев из состава коренного населения крайне ничтожен, поэтому приоритет при получении земли из «государственного фонда» почти исключительно остается за русскими. Таким образом, советская земельная реформа продолжает подлую переселенческую политику павшего режима. <...>

Другая реформа, по заданию своему одна из наиболее необходимых для Туркестана, в частности для Узбекистана, – открытие женского лица... Местная пресса строго осуждала неумелый подход к этой деликатной реформе, требующей чрезвычайно тщательной подготовки, а не грубого административного нажима. Например, отдавался приказ: кто снимет и сожжет столько-то женских чадр, тот получит такую-то награду. И хулиганье взялось за дело. Сдирали на улицах с лиц женщин чадру, собирали в кучи и сжигали. Ночью и этот «герой в борьбе за освобождение женщины Востока», и сама эта «освобожденная женщина» или ее ближайшие родственники оказывались убитыми... А ответственные «руководители революционного социалистического» Узбекистана приходили на митинги со своими «открытыми» женами, которые сейчас же по возвращении домой закрывались снова. Иногда «революционные вожди» обзаводились двумя категориями жен: «открытыми» советскими, с которыми «революционно шагали» по улицам, и «закрытыми» «мусульманскими», которых прятали дома строже прежнего, чтобы как-нибудь не скомпрометировать своей «революционности». <...>

Теперь о сов. строительстве в Средней Азии: я имею материалы, по своей чудовищности далеко оставляющие за собою материалы по ныне разбирающемуся Шахтинскому делу (судебный процесс 1928 года по обвинениям в экономическом вредительстве. – *Ред.*). Я имею в виду дело о водных управлениях Средней Азии. Составлялись фантастические миллиардные (3 миллиарда 600 млн рублей) проекты опереточного строительства, как орошение знаменитых Каракумских песков; мечтали опреснить Гасан-Кулийский залив Каспийского моря. А рядом посеянные пшеница и хлопок погибали от безводья! Проекты эти нужны были только для личного обогащения советских правителей... Как они работали по орошению Туркестана, достаточно назвать только одну цифру: затратив 8 миллионов рублей, большевистские инженеры оросили всего-навсего 20 (двадцать) гектаров земли!.. А сколько миллионов пущено на ветер! И надо сказать, что во главе водных управлений Средней Азии стояли партийные деятели (Рыкунов, Прохоров, Мор). В водном хозяйстве не было ни одного частного собственника и ни одного иностранца, чем пытаются объяснить Шахтинский скандал.

Разумеется, полемический задор М. Чокая отчасти объясняется его неприятием Советской власти, однако во многом национальная политика на местах, особенно в первые десять лет после революции, была именно такой – «с изрядными перегибами и переклестами». И впо-

следствии руководство страны также прибегало к проверенному методу, когда в национальные республики «делегиrowались» русские кадры, чтобы налаживать дела в глубинке. Именно поэтому многие русские семьи обосновались в Средней Азии, Казахстане, Прибалтике, откуда были вынуждены уезжать накануне распада СССР.

Ленин – человек и символ, 1924 год

Максим Горький, Александр Куприн, Виктор Чернов

Роль личности в истории не следует преувеличивать, но она, безусловно, велика. Революция, диктатура пролетариата, восстановление страны из разрухи гражданской войны – нельзя сказать, что все это не состоялось бы, не будь у большевиков Ленина, но совсем не исключено, что без него все пошло бы совершенно иначе. «Эта эра», если вспомнить Маяковского, которая «проходила в двери, даже головой не задевая о косяк», еще при жизни была окружена в глазах большей части населения ореолом, подобным ореолу святости; когда же Ленин умер в январе 1924 года, обожание превратилось в поклонение. Похороны Ленина стали событием общенационального масштаба, многие люди восприняли его смерть как личную трагедию.

О масштабе личности Ленина говорит само количество воспоминаний, запечатлевших облик и характер «вождя мировой революции». Этих воспоминаний великое множество, и среди них – очерк писателя М. Горького.

Владимир Ленин умер.

Даже некоторые из стана врагов его честно признают: в лице Ленина мир потерял человека, «который среди всех современных ему великих людей наиболее ярко воплощал в себе гениальность».

Немецкая буржуазная газета «Prager Tageblatt», напечатав о Ленине статью, полную почтительного удивления пред его колоссальной фигурой, закончила эту статью словами:

«Велик, недоступен и страшен кажется Ленин даже в смерти».

По тону статьи ясно, что вызвало ее не физиологическое удовольствие, цинично выраженное афоризмом: «труп врага всегда хорошо пахнет», не та радость, которую ощущают люди, когда большой беспокойный человек уходит от них, – нет, в этой статье громко звучит человеческая гордость человеком.

Пресса русской эмиграции не нашла в себе ни сил, ни такта отнестись к смерти Ленина с тем уважением, какое обнаружили буржуазные газеты в оценке личности одного из крупнейших выразителей воли к жизни и бесстрашия разума.

Писать его портрет – трудно. Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и прям, как все, что говорилось им.

Героизм его почти совершенно лишен внешнего блеска, его героизм – это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости, героизм человека, который отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей. <...>

Далеко вперед видел он... Не всегда хотелось верить в его предвидения, и нередко они были обидны, но, к сожалению, не мало людей оправдало его скептические характеристики. <...>

Вот поспешно взошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был «поглощен» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл. Очень трудно передать необычное впечатление, которое он вызывал.

Его рука, протянутая вперед и немного поднятая вверх, ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказа-

тельствами права и долга рабочего класса идти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией, – все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре – точно произведение классического искусства: все есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были – их не видно, они также естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке. <...>

Осенью 18 года я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина?

– Простота. Прост, как правда.

Сказал он это как хорошо продуманное, давно решенное.

Известно, что строже всех судят человека его служащие. Но шофер Ленина, Гиль, много испытывавший человек, говорил:

– Ленин – особенный. Таких – нет. Я везу его по Мясницкой, большое движение, едва еду, боюсь – изломают машину, даю гудки, очень волнуюсь. Он открыл дверь, добрался ко мне по подножке, рискуя, что его сшибут, уговаривает: «Пожалуйста, не волнуйтесь, Гиль, поезжайте, как все». Я – старый шофер, я знаю – так никто не сделает.

Трудно передать, изобразить ту естественность и гибкость, с которыми все его впечатления вливались в одно русло. <...>

Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда. Он не говорил по-итальянски, но рыбаки Капри, видевиши и Шаляпина и не мало других крупных русских людей, каким-то чутьем сразу выделили Ленина на особое место. Обаятелен был его смех, – «задушевный» смех человека, который, прекрасно умея видеть неуклюжесть людской глупости и акробатические хитрости разума, умел наслаждаться детской наивностью «простых сердцем».

Старый рыбак, Джиованни Спандаро, сказал о нем:

– Так смеяться может только честный человек...

Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренно любить. Уже только эта одна, в корне искажающая человека, необходимость раздвоения души, неизбежность любви сквозь ненависть осуждает современные условия жизни на разрушение.

В России, стране, где необходимость страдания проповедуется как универсальное средство «спасения души», я не встречал, не знаю человека, который с такой глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастьям, горю, страданию людей.

В моих глазах эти чувства, эта ненависть к драмам и трагедиям жизни особенно высоко поднимают Владимира Ленина, человека страны, где во славу и освящение страдания написаны самые талантливые евангелия и где юношество начинает жить по книгам, набитым однообразными, в сущности, описаниями мелких, будничных драм. Русская литература – самая пессимистическая литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, – в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть.

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто до сего дня не догадался выдумать книгу о том, как он всю жизнь радовался. А так как русский человек привык выдумывать жизнь для себя, делать же ее плохо умеет, то весьма вероятно, что книга о счастливой жизни научила бы его, как нужно выдумывать такую жизнь.

Для меня исключительно велико в Ленине именно это его чувство непримиримой, неугаваемой вражды к несчастьям людей, его яркая вера в то, что несчастье не есть неустранимая основа бытия, а – мерзость, которую люди должны и могут отместить прочь от себя.

Я бы назвал эту основную черту его характера воинствующим оптимизмом материалиста. Именно она особенно привлекала душу мою к этому человеку, – Человеку – с большой буквы. <...>

Должность честных вождей народа – нечеловечески трудна. Но ведь и сопротивление революции, возглавляемой Лениным, было организовано шире и мощнее. К тому же надо принять во внимание, что с развитием «цивилизации» – ценность человеческой жизни явно понижается, о чем неоспоримо свидетельствует развитие в современной Европе техники истребления людей и вкуса к этому делу.

Но скажите голосом совести: насколько уместно и не слишком ли отвратительно лицемерие тех «моралистов», которые говорят о кровожадности русской революции, после того как они, в течение четырех лет позорной общеевропейской бойни, не только не жалели миллионы истребляемых людей, но всячески разжигали «до полной победы» эту мерзкую войну? Ныне «культурные нации» оказались разбиты, истощены, дичают, а победила общечеловеческая мещанская глупость: тугие петли ее и по сей день душат людей.

Много писали и говорили о жестокости Ленина. Разумеется, я не могу позволить себе смешную бестактность защиты его от лжи и клеветы... Злостное стремление портить вещи исключительной красоты имеет один и тот же источник с гнусным стремлением опорочить во что бы то ни стало человека необыкновенного. Все необыкновенное мешает людям жить так, как им хочется. Люди жаждут – если они жаждут – вовсе не коренного изменения своих социальных навыков, а только расширения их. Основной стон и вопль большинства:

«Не мешайте нам жить, как мы привыкли!»

Владимир Ленин был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это. <...>

Меня восхищала ярко выраженная в нем воля к жизни и активная ненависть к мерзости ее, я любовался тем азартом юности, каким он насыщал все, что делал. Меня изумляла его нечеловеческая работоспособность. Его движения были легки, ловки, и скупой, но сильный жест вполне гармонировал с его речью, тоже скупой словами, обильной мыслью. И на лице, монгольского типа, горели, играли эти острые глаза неутомимого борца против лжи и горя жизни, горели, прищуриваясь, подмигивая, иронически улыбаясь, сверкая гневом. Блеск этих глаз делал речь его еще более жгучей и ясной.

Иногда казалось, что неукротимая энергия его духа брызжет из глаз искрами и слова, насыщенные ею, блестят в воздухе. Речь его всегда вызвала физическое ощущение неотразимой правды.

Необычно и странно было видеть Ленина гуляющим в парке Горок – до такой степени срослось с его образом представление о человеке, который сидит в конце длинного стола и, усмехаясь, поблескивая зоркими глазами рулевого, умело, ловко руководит прениями товарищей или же, стоя на эстраде, закинув голову, мечет в притихшую толпу, в жадные глаза людей, изголодавшихся о правде, четкие, ясные слова.

Они всегда напоминали мне холодный блеск железных стружек.

С удивительной простотой из-за этих слов возникала художественно выточенная фигура правды. <...>

Он был русский человек, который долго жил вне России, внимательно разглядывал свою страну – издали она кажется красочнее и ярче. Он правильно оценил потенциальную силу ее – исключительную талантливость народа, еще слабо выраженную, не возбужденную историей, тяжелой и нудной, но талантливость всюду, на темном фоне фантастической русской жизни блестящую золотыми звездами.

Владимир Ленин, большой, настоящий человек мира сего, – умер. Эта смерть очень больно ударила по сердцам тех людей, кто знал его, очень больно!

Но черная черта смерти только еще резче подчеркнет в глазах всего мира его значение, – значение вождя всемирного трудового народа.

И если б туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была еще более густа – все равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира.

И не было человека, который так, как этот, действительно заслужил в мире вечную память.

Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его – живы. Живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал.

Куда сдержаннее – и беспристрастнее – описывал Ленина автор «Гранатового браслета» и «Дуэли» А. И. Куприн.

В первый и, вероятно, последний раз за всю мою жизнь я пошел к человеку с единственной целью – поглядеть на него: до этого я всегда в интересных знакомствах и встречах полагался на милость случая.

Дело, которое у меня было к самодержцу всероссийскому, не стоило ломаного гроша. Я тогда затеивал народную газету – не только беспартийную, но даже такую, в которой не было бы и намек на политику, внутреннюю и внешнюю. Горький в Петербурге сочувственно отнесся к моей мысли, но заранее предсказал неудачу. Каменев в Москве убеждал меня, для успеха дела, непременно ввести в газету полемику. «Вы можете хоть ругать нас», – сказал он весело. Но я подумал про себя: «Спасибо! Мы знаем, что в один прекрасный день эта непринужденная полемика может окончиться дискуссией на Лубянке, в здании ЧК», – и отказался от любезного совета.

Я и сам переставал верить в успех моего дикого предприятия, но воспользовался им как предложением.

Свидание состоялось необыкновенно легко. Я позвонил по телефону секретарю Ленина, г-же Фотиевой, прося узнать, когда Владимир Ильич может принять меня. Она справилась и ответила: «Завтра товарищ Ленин будет ждать вас у себя в Кремле к девяти часам утра». <...>

Просторный и такой же мрачный и пустой, как передняя, в темных обоях кабинет. Три черных кожаных кресла и огромный письменный стол, на котором соблюден чрезвычайный порядок. Из-за стола подымается Ленин и делает навстречу несколько шагов. У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромот на обе ноги; так ходят кривоногие, прирожденные всадники. В то же время во всех его движениях есть что-то «облическое», что-то крабье. Но эта наружная неуклюжесть не неприятна: такая же согласованная, ловкая неуклюжесть чувствуется в движениях некоторых зверей, например медведей и слонов. Он маленького роста, широкоплеч и сухоощав. На нем скромный темно-синий костюм, очень опрятный, но не щегольской; белый отложной мягкий воротничок, темный, узкий, длинный галстук. И весь он сразу производит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия в сне и аппетите.

Он указывает на кресло, просит садиться, спрашивает, в чем дело. Разговор наш очень краток. Я говорю, что мне известно, как ему дорого время, и поэтому не буду утруждать его чтением проспекта будущей газеты; он сам пробежит его на досуге и скажет свое мнение... Я очень доволен тем, что остался в роли наблюдателя, и приглядываюсь, не давая этого чувствовать.

Ни отталкивающего, ни величественного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх, но эти черточки не слишком монгольские; таких лиц очень много среди «русских американцев», расторопных выходцев из Любимовского уезда Ярославской губернии. Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличенно, как

это выходит в фотографических ракурсах. Впрочем, на фотографиях удаются правдоподобно только английские министры, опереточные дивы и лошади.

Ленин совсем лыс. Но остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Об этом же говорят пурпурные родинки на его щеках, твердых, совсем молодых и таких румяных, как будто бы они только что вымыты холодной водой и крепко-накрепко вытерты. Какое великолепное здоровье!

Разговаривая, он делает близко к лицу короткие, тыкающие жесты. Руки у него большие и очень неприятные: духовного выражения их мне так и не удалось поймать. Но на глаза его я засмотрелся... От природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это, вместе с быстрыми взглядами исподлобья, придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков. Подыскивая сравнение к этому густо и ярко-оранжевому цвету, я раньше останавливался на зрелой ягоде шиповника. Но это сравнение не удовлетворяет меня. Лишь прошлым летом в парижском Зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворенно: «Вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз!» Разница оказывалась только в том, что у лемура зрачки большие, беспокойные, а у Ленина они – точно проколы, сделанные тоненькой иглой, и из них точно выскакивают синие искры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.